

Assassin's Creed. Кредо убийцы

Автор:

[Кристи Голден](#)

Assassin's Creed. Кредо убийцы

Кристи Голден

Assassin's Creed

Революционная технология открыла дверь в генетическую память, что дало человеку возможность воочию увидеть жизнь его предков. Каллум Линч погружается в пятнадцатый век, чтобы проследить за приключениями испанского дворянина Агилара де Нерха, и выясняет, что тот состоял в братстве ассасинов. От грозного средневекового убийцы Каллум получает невероятные знания и навыки, позволяющие противостоять в наши дни могущественному и хищному ордену тамплиеров.

Официальная новеллизация фильма «Кредо убийцы», снятого по мотивам популярной серии компьютерных игр «Assassin's Creed» компании «Ubisoft».

Впервые на русском!

Кристи Голден

Assassin's Creed

Кредо убийцы

Christie Golden

ASSASSIN'S CREED:

THE OFFICIAL MOVIE NOVELIZATION

© 2017 Ubisoft Entertainment. All rights reserved. Assassin's Creed.

Ubisoft and the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

© Азбука, Азбука-Аттикус, 2017

* * *

Эта книга посвящена всем, кто увлечен игрой «Assassin's Creed»,

и особенно Райану Пакетту, не по годам доброму и великодушному

На протяжении многих веков рыцари ордена тамплиеров ведут поиски таинственного Яблока Эдема.

Они верят, что в нем сокрыты не только семена первого преслушания, но и ключ к свободе воли.

Если они найдут эту реликвию и расшифруют ее тайны, то обретут безграничную власть над умами всего человечества.

И только братство ассасинов встало у них на пути...

Пролог

Испания, Андалусия

1491 г.

Небо горело в золотом огне заката, и золотилась округа – скалистые горы, раскинувшийся у их подножия город, красная черепица на крыше мавританской крепости. Во внутреннем дворе крепости горел костер.

Высоко в небе орел, рассекая крыльями воздух, летел к месту ночевки, стараясь успеть до того, как золото заката уступит место холодно-лиловым краскам надвигающейся ночи. А на земле те, кто ковал клинки, не замечали ни неба над головой, ни орла, ни ветра.

Их лица скрывала тень, падавшая от капюшонов. Лилась расплавленная сталь в каменные формы, стучали молоты по наковальням, усмиряя раскаленно-красный металл до серой покорности, заострялись клинки. Работали молча. Тишину нарушали только лязг и скрежет.

У ворот крепости стояла одинокая фигура[1 - Молодых людей, желавших вступить в братство ассасинов, держали перед закрытыми воротами от нескольких суток до нескольких недель.] – высокий, широкоплечий мужчина. Он был мрачен, каждое его движение выдавало тревожное нетерпение. И хотя на нем был такой же капюшон, как и на тех, что ковали клинки, он не был одним из них.

Пока не был.

Но они одной крови!

Его родители принадлежали к братству, и служению ему он собирался посвятить свою жизнь. В детстве родители исподволь, играя с сыном, учили его драться, прятаться и преодолевать любые преграды. Тогда он был слишком мал и наивен, чтобы понять истинный смысл этих игр. А когда подрос, родители рассказали ему, кто они и чему служат. Тогда ему не понравилось, что он не может быть хозяином своей судьбы и против воли вынужден последовать по стопам своих родителей.

За принадлежность к братству они жестоко поплатились.

Могущественный враг выследил их. Изучил поведение и привычки. Подобно стае хищников, давний враг отбил его родителей от их братьев и сестер, как овец от стада, и напал, и было нападавших так много, что противостоять они не могли. Многовековой враг убил их, но не с должным почтением в открытом и честном поединке. О нет. Не таков был этот враг. Родителей привязали цепями к позорному столбу, подложили под ноги вязанки дров, облили маслом и подожгли под одобрительные вопли толпы, собравшейся полюбоваться ужасным зрелищем. Сына не было с родителями в тот момент, когда их схватили. И его мучил вопрос. Мучил тогда и мучил сейчас, когда он стоял, переминаясь с ноги на ногу у ворот крепости: если бы он был с родителями, мог бы он их спасти? Члены братства, появившиеся слишком поздно, уверяли: не мог. Не мог без особой подготовки.

Убийцы не пытались скрыть свое преступление, напротив, даже гордились тем, что поймали «безбожников».

Охеда – высокий, с грудью широкой и выпуклой, как бочонок, с холодным взглядом и холодным сердцем – возглавлял охоту на его родителей. А потом он стоял рядом с отцом Тома?сом де Торквема?дой, когда это чудовище осудило его родителей на страшную смерть на костре.

Было слишком поздно, чтобы спасти их. Но не поздно спастись самому.

Вначале, расспросив о его мотивах, братство отказало ему. Но Мария увидела, что его ведет нечто большее, чем простая жажда мести. Сквозь боль и горе, в безотчетном порыве отомстить за смерть родителей, она сумела разглядеть его суть, способность подняться над желанием покарать человека, который убил его семью. Мария поняла: он знает, что в мире есть нечто более важное, чем те, кого

он любил, – Кредо. Вот то, что переживет их всех и перейдет к поколениям будущего. Перейдет к таким же, как он, детям ассасинов.

В итоге он прошел обучение. Что-то давалось ему легко, и он был благодарен родителям за те «игры» в детстве. Что-то давалось по?том и кровью и осталось на теле шрамами, свидетелями его нерасторопности, невнимательности или просто сильной усталости.

Он изучил свою родословную, обрел мужество и стойкость, которые простому смертному, чье сердце не билось так учащенно, как у членов братства, могли показаться безумием фанатика.

И все это время Мария была рядом.

Ее было легко рассмешить, и с еще большей легкостью она владела клинками. Казалось, они звенели в едином ритме с ее дыханием. Мария безжалостно подстегивала его, когда он уставал и слабел, и хвалила, когда он делал успехи. И сейчас, в столь ответственный момент, он чувствовал ее незримое присутствие – Мария помогала ему занять завещанное родителями место.

Он мгновенно отсек видения прошлого, когда дверь в ворота открылась и несколько человек в капюшонах кивком головы пригласили его войти. Молча, сохраняя внешнее спокойствие, хотя сердце в груди колотилось, он последовал за ними вниз по лестнице во внутренний двор. До слуха донесся многоголосый речитатив: *Laa shay'a waqi'un moutlaq bale koulon moumkine*[2 - Ничто не истинно, все дозволено. Мы трудимся во тьме, дабы служить свету, мы – ассасины (сир.)].

Люди в капюшонах встали вокруг прямоугольного стола. Ближе всех к новичку стоял Бенедикто – Наставник, который его обучал и рядом с которым он сражался. Это был добрый человек, веселый и щедрый на похвалу, но сейчас его лицо, освещенное горевшими на столе свечами и трескучими факелами, было непривычно строгим. Именно Бенедикто и Мария нашли путь к сердцу осиротевшего юноши. Бенедикто не стремился заменить ему отца, отнятого так рано, но делал все, что было в его силах, чтобы компенсировать эту потерю. Он пользовался всеобщим уважением, включая готовившегося к посвящению.

Бенедикто, чей голос звучал твердо и уверенно, обратился ко всем присутствовавшим:

– Инквизиция отдала Испанию в руки тамплиеров. Султан Мухаммед все еще удерживает Гранаду. Но если они захватят в плен принца, его сына и наследника, он сдаст город, а вместе с городом и Яблоко Эдема.

Эта новость оставила бесстрастными покрытые татуировками и шрамами лица собравшихся. Но новичок почувствовал напряжение в воздухе. Бенедикто обвел всех взглядом и, похоже, остался доволен их реакцией на новость.

Его суровый взгляд остановился на новичке. Момент настал.

– Агилар де Нерха, клянешься ли ты прославлять наше братство в борьбе за свободу? Клянешься защищать людей от жестокого произвола тамплиеров и отстаивать право каждого на свободу воли?

Агилар без колебаний ответил:

– Клянусь.

Бенедикто продолжал, и голос его зазвучал еще напряженнее:

– Если Яблоко Эдема попадет в руки тамплиеров, они будут уничтожать все на своем пути. Любое инакомыслие, любой протест... наше право иметь собственные мысли. Поклянись мне, что ты отдашь свою жизнь и пожертвуешь жизнью любого из здесь присутствующих, чтобы не допустить этого.

Агилар почувствовал, что это выходит за рамки принятого ритуала. Пришли опасные времена, и для Бенедикто важно быть абсолютно уверенным в том, что новопосвященный понял, что? может от него потребоваться.

И Агилар понимал.

– Клянусь, Наставник, – сказал он.

Карие глаза Бенедикто пристально посмотрели в его зрачки. Затем Наставник кивнул, подошел к Агилару и взял его за правую руку, предусмотрительно забинтованную при подготовке к необходимой жертве, и медленно положил ее

на деревянную резную плаху, опоясанную кованым обручем. Были на ней и другие, более мрачные украшения – пятна, похожие на застарелую ржавчину.

Бенедикто аккуратно уложил руку Агилара так, чтобы инструмент с двумя зубцами мог обхватить безымянный палец юноши. Агилар чувствовал: Наставник напряжен так же, как и он.

– Наши жизни ничто, – напомнил Бенедикто, буравя его взглядом. – Яблоко Эдема – все. Дух Орла[З - Орел – мощный солярный, то есть солнечный, символ. Он символизирует духовное начало, мощь и силу духа, победу и освобождение от земных оков. Талисман орла помогает освободиться от сковывающих уз, обрести высшую мудрость и истинную свободу души, стать мудрее и сильнее.] будет охранять будущее.

Его родители оставили мир, но завещали ему свою страстную любовь и преданное служение, и Агилар через боль готовился вступить в наследство. Они и его тоже оставили. И он считал своей долей одиночество. Но еще мгновение – и одиночеству придет конец. Еще мгновение – и он обретет огромную семью – братство.

Бенедикто сжал двузубец и отсек палец.

Боль пронзила Агилара. Но он сцепил зубы и не издал ни единого звука, даже не вздрогнул. Хлынула кровь, быстро потекла на бинты, они жадно впитывали красную влагу. Агилар сделал глубокий вдох, его инстинкт выживания боролся с железной дисциплиной, обретенной в тренировках.

«Лезвие идеально заточено, – сказал он себе. – Рана чистая. Заживет. И я тоже исцелюсь».

К нему подошла Мария, в руках она держала изысканно украшенный наруч, сделанный из кожи с металлическими вставками. Стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть, если невзначай открытая рана коснется металла, Агилар осторожно просунул руку внутрь. Он не смотрел на наруч, только на Марию, в глубину ее теплых зеленовато-голубых глаз, подведенных сурьмой. Маленькие татуировки на лбу, подбородке и обеих щеках под глазами делали ее по-особенному красивой.

Мария, которая вошла в его жизнь на правах сестры, со временем стала означать для него нечто большее. Он знал ее всю – ее смех, запах, нежное дыхание, которое щекотало кожу, когда она спала в его объятиях. Знал округлость ее бедер и силу ее рук, когда она играючи стискивала их замком, прежде чем поделиться с ним жаром губ.

Но сейчас это была не игра. Мария много значила для Агилара, но он понимал: стоит ему сделать неверный шаг – и она будет первой, чей кинжал распорет ему горло.

Кем бы она ни была, прежде всего она – ассасин, и Кредо для нее превыше всех человеческих привязанностей.

Отныне и он будет таким.

Началось посвящение. Красиво и торжественно зазвучал голос Марии:

– Там, где другие слепо следуют за истиной, помни...

– ...ничто не истинно, – подхватил хор голосов.

– Там, где другие ограничены нравственными и иными законами, помни...

– ...все дозволено.

Агилар еще мгновение удерживал ее взгляд, затем, как его учили, сделал легкое движение запястьем. С лязгом, словно радуясь освобождению, из наруча выдвинулось тонкое лезвие и заняло место отсеченного безымянного пальца.

– Мы трудимся во тьме, дабы служить свету, – произнес Агилар, и голос его от внутреннего напряжения слегка подрагивал. Он набрал в грудь воздуха. – Мы – ассасины.

И где-то высоко над головами раздался крик орла, будто дух его возликовал, одобряя свершившееся.

Глава 1

Нижняя Калифорния

1988 г.

Кэл Линч поднял голову и, щурясь от солнца, посмотрел на небо, откуда донесся крик орла. Птицу было не различить, только силуэт. Он улыбнулся, натянул на голову капюшон серого свитшота, закрывая русые с рыжинкой волосы, и приготовился.

Он тоже собирался полетать.

Он давно этого хотел... вернее, всегда, с тех самых пор, как несколько месяцев назад родители переехали сюда. Они часто переезжали, и этот факт Кэл принимал как должное. Родители перебивались случайными заработками, на какое-то время задерживались на одном месте, а затем неожиданно срывались и перемещались на новое. Из-за частых переездов Кэлу не удавалось завести друзей. Так уж случилось, что он решился именно сегодня. Зрителей не было. Но это его не особенно беспокоило. Нет так нет. Никто вообще не предполагал, что он на это отважится.

Когда Кэл затаскивал велосипед на крышу старого заброшенного здания, нога вдруг соскользнула с проржавевшей ступеньки. Он распорол джинсы и сильно оцарапал ногу. Ничего страшного, год назад в какой-то дешевой больнице ему сделали прививку от столбняка. Кэл любил проводить время на крышах. Ночью, когда родители думали, что он мирно спит в своей комнате, он вылезал через окно и отправлялся гулять по крышам. Из сонной теплоты комнаты он вырывался в прохладу и таинственность ночи и переживал тысячу приключений, пока родители пребывали в блаженном неведении.

Сегодня целью Кэла был большой контейнер для морских перевозок, находившийся ниже крыши, на которой угнездился Кэл со своим велосипедом. Расстояние до контейнера не превышало двадцати футов – сущий пустяк.

И только сердце колотилось в груди, когда он стоял одной ногой на педали велосипеда, другой – на крыше здания. Он закрыл глаза и медленно выдохнул через нос, стараясь успокоить сердцебиение и замедлить дыхание.

«Ты уже там, – говорил он себе. – Уже все сделано. Прочувствуй каждый дюйм полета. Посмотри, как колеса идеально приземляются, и ты резко разворачиваешь велосипед, чтобы его не отбросило в сторону».

Нет, это плохая картинка, от нее нужно немедленно избавиться. Это похоже на старую шутку: «Не думай о розовом слоне». И вот ты уже не видишь ничего, кроме розового слона.

Кэл сменил направление мысли: он видел, как крутит педали, стремительно летит, приземляется, – новая победа.

Внутренним зрением он видел себя летящим. Летящим, как орел. Он может это.

Медленно и спокойно Кэл открыл глаза и сжал руль.

«Вперед».

Он рванул вниз, неистово крутя педали, глазами впившись в точку приземления, а не в быстро сокращавшееся расстояние и не в кучу хлама между крышей и контейнером. Быстрее, быстрее... и уже в воздухе он изо всех сил рванул переднее колесо велосипеда вверх.

Он летел над мусором, лицо растягивалось в улыбку абсолютной радости. Да! Он сделал это...

Переднее колесо преодолело расстояние.

Заднее – нет.

Все произошло так быстро, что Кэл даже не успел испугаться. Велосипед тяжело приземлился на кучу старых матрасов и прочего хлама, который он кропотливо таскал сюда в течение нескольких недель.

Он осторожно пошевелился, – похоже, все цело. Кровь текла из глубокой царапины на лице, и все тело болело, но это ерунда.

Велосипед тоже пострадал. Но и после более тяжелых поражений он неизменно доставлял своего хозяина домой.

– Черт! – выругался Кэл, выбираясь из кучи хлама со своим велосипедом. Он не собирался рассказывать родителям, где и при каких обстоятельствах получил травмы.

Он наскоро обследовал себя: несколько синяков и порезов на лице и теле – пустяки, даже царапина на ноге перестала сочиться кровью. И байк был в норме – так, несколько вмятин, но на ходу. Хорошо. Кэл поднял голову, посмотрел на небо и улыбнулся, различив маленькую точку: орел. Однако... папе с мамой ничего не надо знать об этом. Кэл еще немного посидел, наблюдая за орлом.

Уже начали сгущаться сумерки, и тени вытянулись, когда он подъезжал к обшарпанному многоквартирному барaku, который называл своим домом. По дороге за велосипедом клубилась желтоватая пыль. Здесь все было покрыто густым слоем золотистой пыли, и лишь веревки с цветными флажками, натянутые над дорогой, оживляли унылую блеклость пейзажа.

К Кэлу вернулось привычное хорошее расположение духа, и он уже проанализировал, что сделал неверно, и понял, как в следующий раз исправить все ошибки и приземлиться успешно. В конце концов, это была лишь первая попытка. Каллум Линч не трус. Завтра он повторит попытку снова... или, поправил сам себя Кэл, когда родители позволят ему снова сесть на велосипед.

Кэл уже достаточно проехал по городу, когда вдруг заметил, что вокруг что-то не так. Люди повысыпали из своих домов, кто-то сидел на стульях с напитками в руках, но большинство сбилось в кучки и... смотрело. И все они смотрели на него. От фальшивого спокойствия на их лицах у Кэла неприятно засосало под ложечкой.

Что-то случилось. Плохое.

Кэл прибавил скорости, бросил у входа велосипед и еще раз окинул взглядом соседей, молча стоявших с мрачно-печальными лицами. Он не знал почему, но сердце в груди тревожно застучало. Он потянулся к ручке двери и застыл. Дверь была широко распахнута. Но его родители всегда закрывали дверь. Кэл сглотнул и переступил порог тесной веранды, остановился, прислушался и медленно двинулся вперед, как будто в этом хорошо знакомом месте он был чужаком.

Дверь в другую часть дома тоже была открыта. Он раздвинул длинные нити занавесок из янтарного цвета бусин, что служила условной перегородкой между комнатами.

Не было слышно ни разговоров, ни смеха, ни звона посуды, не чувствовался запах ужина, готовившегося на плите. И лишь, как всегда свободно и легко, лился из старого бежевого радиоприемника голос Пэтси Клайн, и где-то в одной из комнат бубнил телевизор – шла какая-то информационная передача.

«Сегодня у нас в гостях доктор Алан Риккин, исполнительный директор „Абстерго индастриз“, – тараторил ведущий. – Алан, похоже, мир стоит на краю пропасти».

«Вне всякого сомнения». – В голосе доктора слышался акцент английского аристократа.

Взгляд Кэла мельком скользнул по экрану – мужчина далеко за тридцать, в дорогом элегантном костюме, с черными глазами и резкими чертами лица.

«Очевидно, что человечество упорно и неумолимо само себя разрушает. Я считаю: если мы не излечим человеческую природу от врожденной агрессии, цивилизация – в том виде, в каком она существует сейчас, – исчезнет. „Абстерго индастриз“ ведет работу по поиску ключевого...»

Телевизор продолжал бубнить, но Кэл больше не слушал, он медленно шел вперед. В комнатах царил густой полумрак. Ничего необычного. Летом здесь очень жарко, и затемненные окна сохраняли в доме прохладу. Но сейчас в этом полумраке было нечто враждебное. Кэл почувствовал, что его ладони стали

холодными и влажными.

Он вошел в комнату родителей и увидел мать. Она сидела на кухне, силуэт четко вырисовывался на фоне окна. На мгновение у него отлегло от сердца, он хотел позвать ее, но слова почему-то застряли в горле. Он только сейчас осознал странность ее позы: тяжело навалилась на спинку стула, руки безвольно свисают по сторонам.

И сидит она неподвижно. Слишком неподвижно.

Кэл застыл, глядя на нее. Голова работала на полную катушку, пытаюсь понять, что случилось. Взгляд зацепил движение – что-то медленно капало с ее руки. Капли падали в растекшуюся по полу красную лужицу, на которой застыл тонкий луч закатного солнца.

Какое-то время Кэл как зачарованный смотрел на падающие капли. Затем его взгляд медленно переместился вверх по траектории их движения. Красная жидкость медленно стекала с серебряной подвески, которую его мать постоянно носила. Восьмиконечная звезда с камнем ромбовидной формы в центре. На камне черным выгравирован символ, похожий на букву «А», составленную из двух слегка изогнутых клинков.

Сейчас цепочка подвески была намотана на ее руку и тонула в алом ручейке. Шестое чувство Кэла кричало и требовало, чтобы он отвел взгляд и бежал отсюда без оглядки. Но вместо этого Кэл стоял и смотрел, застыв как вкопанный.

Ее кисть была в крови. Левый рукав ее белой крестьянского кроя блузы пропитался кровью.

А горло...

– Мама... – шепотом позвал он, хотя рана на шее не оставляла сомнений, что она мертва.

Laa shay'a waqi'un moutlaq bale kouloun moumkine.

Кэл услышал шепот и с ужасом осознал, что он в комнате не один.

Убийца еще здесь.

Он стоял у телевизора спиной к Кэлу и смотрел в окно – широкоплечий, ростом не менее шести футов. На голове у него был капюшон.

Но взгляд Кэла непроизвольно вернулся к жутким красным каплям, медленно падавшим и падавшим на дешевый линолеум. Кровь матери была и на кинжале, который держал убийца.

– Папа, – шепотом позвал Кэл, но больше ничего не мог произнести, душили рвотные спазмы, хотелось упасть, свернуться калачиком и не двигаться.

Замереть навсегда. Этого не может быть...

Медленно мужчина в капюшоне повернулся. Сердце у Кэла разрывалось от горя и ужаса. Он не ошибся – это был отец.

В глазах Джозефа Линча застыла мука, словно и он чувствовал горе. Но как такое могло случиться? Почему? Он был единственный, кто...

– Кэл, твоя кровь тебе не принадлежит, – сказал отец, за годы жизни в Соединенных Штатах так и не избавившийся от сильного ирландского акцента. – Они нашли нас.

Кэл посмотрел на него удивленно, не понимая его слов, вообще ничего не понимая. Отец направился к нему. Шаги громким эхом разнеслись по дому, наполненному ужасом, хотя такой обыденный звук никак не должен был заглушать вещание телевизора и голос Пэтси Клайн, поющей о том, что сошла с ума.

К удивлению Кэла и против его воли, ноги, казалось, совершали вполне разумные действия. Они сами по себе начали отступали назад. Он пятился от отца, от своего папы, который полоснул ножом по горлу собственную жену.

Человек в капюшоне приближался медленно – неотвратно, как сама смерть. И Кэл вдруг перестал отступать и замер на месте.

Он не хотел жить в мире, где отец убил мать. Он хотел умереть вместе с ней. Джозеф Линч тоже остановился, его руки безвольно, даже как-то беспомощно, свисали вдоль тела, кровь все еще капала с кончика клинка, который он только что вонзил в нежное горло своей жены.

– Им нужно то, что внутри тебя, Кэл. Ты должен скрыться, – сказал отец с каким-то невероятным сожалением, будто слова разбивали ему сердце.

Кэл не сводил с него глаз, сердце в груди оглушительно стучало. Он не мог пошевелиться, не мог трезво соображать.

Визг шин нарушил мертвую тишину. Убийца посмотрел поверх головы сына в окно – машины, резко развернувшись, подъезжали к их дому.

– Беги! – крикнул он сыну. – Беги! Скорее!

Кэла словно током ударило, он бросился к лестнице. Ноги, еще секунду назад оцепеневшие, сейчас несли его наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Через окно он выскочил на крышу. Тайный путь к свободе, о котором родители ничего не знали, превратился в путь к спасению. Он бежал так, как никогда раньше, как настоящий акробат: без колебаний перепрыгивая с одного уровня на другой, с крыши на крышу, вниз, вверх, падал, делал кувырок, вставал и снова бежал. Краем глаза Кэл заметил на дороге в клубах пыли длинную вереницу черных внедорожников, не менее дюжины.

На одной из крыш, где с земли его было не видно, Кэл на мгновение остановился перевести дух и рискнул посмотреть вниз. На пассажирском сиденье одной из машин он увидел мужчину – бледное худощавое лицо, черные волосы, черный костюм и черные очки. Очень похожий на того, которого Кэл несколько минут назад видел на экране телевизора. Но этого не может быть!

Или может? Сомнения странным образом улетучились, и по телу Кэла пробежал холодок.

В тот момент, когда машина повернула, Кэл уже мчался дальше. Спрыгнул с крыши на кучу строительного мусора и припустил по дороге – прочь от обшарпанных барачков, от мертвой матери и отца-убийцы, прочь от всего, что было жизнью Каллума Линча.

Глава 2

30 лет спустя

Департамент уголовного правосудия Хантсвилл[4 - Хантсвилл – широко известная тюрьма, которую часто называют «Walls Unit» за высокие стены; раньше в ней приводились в исполнение смертные приговоры. С этой тюрьмой связаны имена Бонни и Клайда и многих других печально знаменитых американских преступников, ей посвящен альбом песен Мерла Хаггарда.], Техас, США

Сорокасемилетний Фрэнк Киммлер в течение семнадцати лет служил охранником в Департаменте уголовного правосудия. За это время он многого посмотрелся и хорошо знал, на какие жестокие преступления способен человек. И все же он не переставал удивляться тому ужасу, с которым ему приходилось сталкиваться изо дня в день. И после каждого особенно тяжелого рабочего дня он приходил домой и объявлял жене, что все, с него хватит, он увольняется, найдет себе другую работу, более спокойную и безопасную, чтобы вечером было о чем рассказать дочерям. Но на следующий день Фрэнк Киммлер неизменно возвращался на службу в департамент.

Вечером 21 октября он был на своем рабочем месте в окружении мониторов, на столе перед ним лежал нетронутый бутерброд с болонской копченой колбасой и сыром, стояла бутылка кока-колы, но он смотрел не на мониторы, а на экран телевизора и разговаривал по телефону с женой Дженис.

«Срочное сообщение. Сегодня в Хьюстоне, штат Техас, совершено тройное убийство, – сообщил репортер, мрачно глядя в камеру. – Директор Международного валютного фонда Кассиан Лакруа, техасский нефтяной миллиардер Лютер Уайли и китайский медиамагнат Болин Чанг были убиты сегодня днем в отеле „Фор сизонз“».

– Да, дорогая, смотрю новости по телевизору. Сразу троих. Среди бела дня. Знаю, знаю, это ужасно. А ты сама где сейчас?

– Только что к дому подъехала. – Голос жены заметно дрожал. – Улицы перекрыли. Везде полицейские машины. Из-за этой кутерьмы я три часа домой добиралась! Фрэнк... Я хочу, чтобы ты ушел с этой работы.

Он и сам хотел, но не мог произнести этого вслух. Он лишь сказал:

– Дорогая, у меня сейчас здесь безопаснее, чем на улице. Я о девочках волнуюсь. Они дома?

Его взгляд снова вернулся к экрану телевизора, где застыл кадр с тремя жертвами. Дженис сообщила, что Сюзанн дома, наверху, делает домашнее задание, а Патрисия только что звонила и сказала, что приедет попозже. Это Фрэнку не понравилось.

– Ее нет дома? У нее вечерние занятия?!

– Нет, она звонила и сказала, что зашла с подружками в торговый центр, мать Дебби заберет их, как только туда доедет. С ней все в порядке. – Дженис помолчала и неуверенно продолжила: – А ты... ты когда домой вернешься? Я собираюсь пирог с мясом испечь. И мы бы славно все вместе поужинали.

Фрэнк с вождением посмотрел на бутерброд с колбасой и вздохнул.

– Пирог к моему возвращению придется разогревать, дорогая. Я задержусь сегодня, у нас на шесть часов мероприятие назначено, так что дома буду к девяти.

Фрэнк увидел знакомое лицо и помахал рукой.

– Все, отбой. Идет отец Реймонд.

Он повесил трубку и, дружески улыбаясь, повернулся к священнику. Отец Реймонд посещал тюрьму в течение последних четырех лет, и Фрэнк чувствовал

расположение к этому художавому молодому человеку с тихим мягким голосом. Он недавно принял сан и, как рассказывал Фрэнку, до того как нашел свое истинное предназначение, преподавал английскую литературу в университете на восточном побережье. Фрэнк так и видел, как он в университетской аудитории рассказывает студентам о Шекспире, Диккенсе и прочих выдающихся писателях и поэтах.

– Вы, как всегда, вовремя, отец Реймонд. Как там в городе? Говорят, все перекрыто после трагических событий. Моя жена три часа домой добиралась.

– Рад слышать, что она в безопасности, – ответил отец Реймонд, облегченно выдохнув. – А как девочки?

– Одна дома, а другая с друзьями в торговом центре. Держу ситуацию под контролем, но...

Фрэнк вздохнул и почесал затылок. Несколько лет назад у него начали выпадать волосы. В прошлый свой визит отец Реймонд пошутил, что ему и тонзуру выбривать не надо, она почти готова.

– Знаете, боюсь за свою семью. Так беспокойно в мире... и в городе тоже.

Отец Реймонд сочувственно кивнул:

– А... как наш подопечный?

– Все спокойно. Рисует. Целый день рисует. Это, конечно, против правил. Но что поделаешь, у парня день рождения сегодня. Оказывается, у него отец мать убил. Тут любой с катушек слетит. – Фрэнк посмотрел на священника печальными карими глазами. – Отец Реймонд, как-то у меня в голове не укладывается. Парень убил сутенера. Мы его убиваем. Какой в этом смысл?..

– Пути Господни... – начал отец Реймонд.

– Да-да, неисповедимы, – вздохнул Фрэнк.

Священник достал носовой платок и вытер ладони.

– К такой работе нельзя привыкнуть, – с извиняющейся улыбкой сказал он.

– Вот уж точно, – согласился Фрэнк. – В каком-то смысле это не так уж плохо.

Отец Реймонд засунул платок в карман. К ним приближался охранник, который должен был проводить его к заключенному.

– Передавайте привет Дженис и девочкам. Буду за них молиться.

«Заключенный камеры триста четыре – не профессиональный художник, – размышлял отец Реймонд. – Но упорный: если за что-то берется, то движется к цели с неистовой целеустремленностью».

Одна из стен камеры почти до потолка – насколько могла дотянуться рука – была завешана рисунками, сделанными на плотной бумаге кремового цвета. Здесь было все: от фантазмагии до трагического гротеска. Остальные стены были расписаны толстыми фломастерами – черным, синим, зеленым – и производили впечатление полной белиберды безумного граффитиста. Какие-то странные символы, которые вряд ли бы мог расшифровать даже владелец галереи ночных кошмаров.

Отец Реймонд застал заключенного, мужчину лет тридцати с хвостиком, сидящим на полу. Он что-то рисовал угольным карандашом. Замер на мгновение, затем большим пальцем растер резкие беспорядочные линии в какой-то неясный расплывчатый силуэт.

Когда дверь в камеру открылась, заключенный поднял голову и узнал в вошедшем священника, затем спокойно сел на койку и посмотрел на него скучающим взглядом.

Звякнули ключи, за отцом Реймондом закрыли дверь. Он принялся внимательно рассматривать рисунки, вызывавшие тревогу и беспокойство, на лице его не было и тени отвращения, только сострадание. Ему и раньше приходилось в камерах смертников видеть нечто подобное. Он изучал развешанные на стене листы с полной серьезностью: угольные наброски людей с уродливыми головами; бесформенные глыбы, отдаленно напоминавшие человека, которые

обнимали или убивали друг друга; черепа, инкрустированные цветами; огромный, как пещера, рот, застывший в крике; рука, размахивающая крестом; фигура, охваченная пламенем; ржущая в ужасе костлявая лошадь.

Один рисунок надолго приковал внимание священника – примитивное, почти карикатурное изображение палача в черном капюшоне.

Наконец он повернулся к заключенному.

Разумеется, у него было имя, у каждого человека есть имя. В момент смерти – так было во все времена – приговоренному важно, чтобы люди это понимали. Отец Реймонд старался всех своих подопечных называть по имени.

– Ты Каллум Линч, – голос священника звучал мягко и тихо, – а я отец Реймонд.

Руки Каллума Линча были испачканы углем, светло-русые с рыжинкой волосы коротко острижены, в глубине голубых глаз поблескивали искорки, и священник понял, что спокойствие Каллума Линча лишь внешнее, а внутри кипят страсти.

– Пришел спасти мою душу? – спросил заключенный немного хриплым от долгого молчания голосом.

– Что-то в этом роде.

Отец Реймонд раздумывал, стоит ли начать с того, что ему сказал Фрэнк. Решился.

– Насколько мне известно... у тебя сегодня день рождения.

Линч хохотнул:

– Да, вечеринка сейчас начнется.

Отец Реймонд растерялся. Он рассчитывал перед лицом смерти принести заключенному покой. Большинство смертников, к которым он приходил, пребывали в смятении, их терзали страх, злость, некоторые раскаивались и сожалели о содеянном. Но сейчас он стоял и смотрел на человека, который,

казалось, совершенно не боялся смерти, и священник не знал, что делать.

– Сядь, – сказал Линч, – не нервируй меня.

Отец Реймонд не видел никаких признаков нервозности, но предпочел принять предложение, сел на скамейку лицом к осужденному и раскрыл Библию. У него было несколько любимых отрывков, которые, как он по опыту знал, успокаивающе действуют на осужденных.

Он нашел один из них и начал читать:

– «Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселие, – и возрадуются кости, Тобою сокрушенные»[5 - Пс. 50: 9,10.].

Отец Реймонд поднял глаза и посмотрел на осужденного, чье лицо выражало полное безразличие. Священник знал: насколько уникален каждый человек, настолько неповторимо и то, как он готовится к смерти. Кто-то рыдает в надежде, что Бог простит его и откроет дорогу в небесные пределы, если он искренне раскается. Кого-то раздирает злоба, что вполне понятно, – такие поносят всех и вся. А кто-то просто сидит и тихо плачет, не говоря ни слова. И все они заслуживают понимания и милосердия.

Как и вежливое равнодушие Каллума Линча.

– Тебе не нравится Библия? – спросил отец Реймонд, понимая, что вопрос риторический.

Кэл неопределенно покачал головой.

– Я могу что-то сделать, чтобы облегчить твою душу?

Отец Реймонд не надеялся услышать ответ, но, к его удивлению, Кэл заговорил:

– Есть такое стихотворение... мне мать его часто читала, «После сбора яблок» называется.

Священник порадовался, что его первая профессия дает ему возможность выполнить последнюю просьбу человека, приговоренного к смерти. Господь прозорлив и добр! Священник кивнул:

– Я знаю это стихотворение. Роберт Фрост написал.

И он начал читать.

Оно не пользовалось такой широкой известностью, как «Остановившись в лесу снежным вечером» или «Огонь и лед». Но именно это стихотворение более других нравилось самому отцу Реймонду. По странному и печальному совпадению оно подходило заключенному.

Священник читал тихо и с нежностью. И лестница, упоминавшаяся в стихотворении, казалась ему лестницей на небеса, а бочка, которую никак не удавалось наполнить яблоками, наводила на мысль о жизни, которая обрывалась так рано.

Как жизнь того, кого убил Каллум Линч; как скоро оборвется и его собственная жизнь.

Забряцали ключи в дверях, и священник замолчал. Дверь открылась.

Время пришло.

Будь это рядовой визит, отец Реймонд попросил бы разрешения закончить чтение. Но это был не тот случай. Пришло время смерти, и люди, даже служители Всевышнего, должны были отступить в сторону.

Кэл встал. Встал и отец Реймонд. По крайней мере, он проводит заключенного до камеры смерти и останется с ним до конца, пока душа не покинет тело.

Куда душа отправится после – отец Реймонд не брался предсказывать.

На ноги Кэлу надели браслеты с цепью, и он звенел ею, когда шел до камеры смерти по коридору – казалось, бесконечному, но в действительности короткому.

Священник не закончил стихотворение. Не беда. Кэл знал его наизусть и про себя дочитал до конца, вспоминая запах осенних яблок и приближающейся зимы.

Он не думал о столе, на который его уложили и пристегнули ремнями, в мыслях он был там, где чувствовал себя защищенным и безмятежным, где в окно светит солнце, где остановилось время, и ему семь лет, и она жива. Ее голос тихий и нежный, от нее исходит тепло, когда он доверчиво прижимается к ней и чувствует тонкий запах лавандового мыла. Эти грезы, как и стихи, давали забвение.

Ремни стянули ноги и грудь.

Забвение было иллюзией, и защищенность была иллюзией. Тот окровавленный кинжал навсегда вошел ему под ребра и лишил его чистой и безгрешной жизни.

В стихах говорилось о погружении в сонную зимнюю безмятежность, долгий сон до весны. Но сейчас он погружался в иной сон. Он был в камере смерти.

Ему перетянули руку, чтобы набухли вены. Он бывал в больницах и видел, как делают внутривенные инъекции. Но ему собирались вводить не лекарство, а яд, который учащенно забившееся сердце быстро разнесет по всему телу.

Вытянутые вдоль стены окна открылись. Кэл скосил глаза, но надзиратель сам встал прямо перед ним. Заговорил четко, без эмоций, даже как-то скучающе. «С какой стати ему выражать эмоции? – с ожесточенной горечью подумал Кэл. – Слишком часто он произносит эти слова. Только за этот год здесь казнили человек десять, а то и больше».

– Каллум Линч признан виновным в совершении убийства и приговорен к смертной казни, которая приводится в исполнение сегодня, двадцать первого октября две тысячи шестнадцатого года. Желает ли заключенный сделать последнее заявление?

«С днем рождения, будьте вы прокляты!»

На короткое счастливое мгновение ненависть и злоба отогнали страх перед черной бездной, мелькнула дерзкая смелость, призрачная надежда проснуться за той чертой.

– Скажите моему отцу, что увидимся в аду.

Может быть, тогда он получит ответы.

Стол медленно наклонился, и Кэл уставился в потолок. Это медленное, механическое движение стола вдруг сделало то, что не удалось до этого ни священнику, ни «прогулке» по коридору до камеры смерти, ни последним словам надзирателя.

Смерть стала реальностью.

Он мгновенно покрылся потом, холодным и липким. Дыхание судорогой сотрясало грудь, он не мог отделаться от жуткого соблазна повернуть голову и смотреть, как смерть прозрачной жидкостью втекает по трубке в его руку.

Она холодом обожгла его вены и с каждым ударом колотившегося в груди сердца быстро расходилась по телу.

«Мое тело убивает меня», – пронеслось в голове Кэла.

Вспыхнула злоба и тут же погасла, уступив место холодному осознанию: поздно что-либо менять, поздно драться, хвататься за нож, поздно вскакивать и убегать, поздно все, остается только душераздирающая тоска – и сожаление, и слова, которые звенели в мозгу, в каждой клетке тела:

«Я не хочу умирать!»

Кэл приподнял голову, чтобы посмотреть на тех, кто за стеклом наблюдал, как человек умирает у них на глазах. Суровые непроницаемые лица. Старые, с глубокими морщинами, застывшие, словно их высекли из камня.

Но среди этих каменных лиц было... одно.

Тело Кэла перестало ему подчиняться, оно начало коченеть. Он больше не мог пошевелить головой и закрыть глаза, из которых текли слезы.

Это было последнее, что видел Каллум Линч перед тем, как погрузиться во мрак, – овал женского лица, проступавший из густой тени. И последняя мысль: «Сам ангел смерти?»

Глава 3

«Я умер, – подумал Кэл. – Я умер. Ад – это белая пустота».

Сквозь ресницы свет бил в глаза. Кэл осторожно открыл их и обвел взглядом окружающее пространство. Все расплывалось, глаза больно жгло, будто в глазницы вставили раскаленные угли. Все тело было холодным, и только одна рука оставалась теплой, словно кто-то держал его за руку. Замелькали картинки: теплый солнечный свет, негромкий смех, мама обнимает его и шепчет на ухо строчки из стихотворения о сборе яблок.

Перед ним появились очертания лица, то расплываясь, то обретая четкость. «Тот ангел, что явился перед смертью?»

Кэл снова погрузился во мрак и снова пришел в себя. Почувствовал едва уловимый больничный запах. Запах чистоты и холода, и белые стены дышали холодом, и свет был холодным.

Кэл не был уверен, что на небесах пахнет антисептиками. «Это больница», – возникла мысль.

Возможно, что-то пошло не так, как надо... или так, как надо. Возможно, в последний момент позвонил губернатор штата и, извинившись, отменил приговор. Иглу вынули из вены, и смертельный яд не успел дойти до сердца. Его взгляд скользнул по какому-то белому медицинскому аппарату с разноцветными

световыми индикаторами и вдруг столкнулся с невероятно голубыми глазами ангела, который наблюдал за Кэлом, когда он умирал в камере смерти.

Во всем белом, с черными короткими волосами и фарфоровой кожей, даже маленькая родинка на лбу ее не портила, а придавала особое очарование. Она нежно улыбнулась ему. Не веря своим глазам, Кэл потянулся рукой к ее щеке, чтобы убедиться в ее реальности.

Она мягко перехватила его руку, и он почувствовал ее теплые сильные пальцы.

– Я доктор София Риккин.

У нее был мелодичный голос с легким акцентом. Он не мог определить – английским или французским. И это еще больше делало ее похожей на пришельца из другого мира. Она еще что-то говорила, но его внимание включилось только на словах: «Вчера в шесть часов вечера тебя казнили и признали мертвым. И теперь для всех, кто тебя знал и любил, ты не существуешь».

Сердце в груди забило: «Я жив. Но я все еще в плену. Надо бежать».

Тело было вялым и непослушным, но он заставил его подчиниться своей воле. Неуклюже выдернул из вены на правой руке иглу капельницы; рыча, упираясь ногами в пустоту, попытался встать с медицинской кровати. Ангел – доктор София Риккин – и не думала его останавливать, только ее большие голубые глаза смотрели на него с тревогой.

– Тебе нельзя вставать, – сказала она. – Процесс детоксикации еще не закончился.

Кэл поморгал, пытаясь сфокусировать взгляд, но все расплывалось, а глаза по-прежнему жгло.

– Глаза... – простонал он, растирая их.

– То, что ты чувствуешь, – это нормально, простой дискомфорт, – сказала она. – Тетродотоксин – очень сильное средство, но только оно могло помочь после

смертельной инъекции.

Все это она произнесла медленно и внушительно, словно понимала его состояние – состояние Алисы, провалившейся в кроличью нору. Кэл усиленно моргал, злясь на глаза, которые отказывались видеть.

София Риккин склонилась к нему – очень близко – и тихо позвала:

– Кэл.

Услышав свое имя, он повернулся к ней. Она была такой красивой, и он никак не мог понять, сон это или предсмертное видение, последний крик умирающего мозга, убеждающего самого себя, что он жив.

– Я помогу тебе, Кэл. – Можно сбиться со счета, сколько раз он слышал подобное. Но казалось, она искренне верит в каждое произнесенное ею слово. – А ты поможешь мне.

Долю секунды ему хотелось, чтобы именно так все и было. Но память выплеснула поток информации. Нет. Нет. Она не ангел. Теперь он ясно это понимал. Она – врач, она похитила его, и ему нужно отсюда бежать.

Он смутно различал две металлические полосы – вероятно, створки двери. И ринулся в том направлении. Удивительно, но они легко распахнулись, и Кэл, не удержав равновесия, со всего маху упал на чистый белый пол и на секунду отключился.

К нему откуда-то слева бросились две фигуры в белом. Кэл перекатился вправо; все еще не в состоянии подняться на ноги, он пытался ползти, извиваясь как змея, подтягиваясь на ослабевших руках и чувствуя, как постепенно оживают ослабевшие ноги. За спиной послышался голос Софии Риккин:

– Не останавливайте его.

В комнате, оборудованной исключительно для внутреннего наблюдения, многочисленные сотрудники следили за происходящим по мониторам. Макгоуэн,

начальник службы безопасности, – бородатый, коротко стриженный шестифутовый громила – стоял и с притворной ленцой наблюдал, как Каллум Линч – мертвец – спотыкался и падал в своих тщетных попытках убежать.

В кабинете, где коллекция антикварного оружия соперничала в роскоши с великолепным роялем и дорогими напитками бара, стоял элегантный мужчина в кашемировом свитере и черных брюках. Седые волосы и морщины не столько старили его, сколько придавали особый шик. Он тоже внимательно наблюдал за стремлением Каллума Линча к призрачной свободе.

Кэл стиснул зубы и, отчаянно рыча, заставил свое полумертвое тело подняться на ноги, шатаясь, пошел, минуя одни двери за другими, мимо санитаров и технического персонала, по коридорам из металла и камня, залитым искусственным электрическим светом. Скучный естественный свет пробивался откуда-то сверху.

Кэл шел дальше, спотыкался, падал, упрямо вставал, петляя, как пьяный среди деревьев – деревьев, тянущихся вверх внутри помещения. Странная картина, как и само место, где он находился.

Мало-помалу к нему вернулось зрение, тело начало повиноваться ему, и он смог наконец принять вертикальное положение и ускорить шаг. Он миновал охранника в черном с пистолетом на бедре, который не преградил ему путь, когда Кэл устремился по лестнице вверх.

«Не трогайте его», – услышал он голос Софии. Она следовала за ним. И ее голос придал ему силы. Пусть она похожа на ангела, но она его тюремщик.

Он пробежал под грохот собственных ног по какому-то наклонному металлическому пандусу, и вот он – солнечный свет. Он прикрылся рукой, глазам все еще было больно, и понял, что каким-то образом оказался в саду.

Может быть, он все-таки умер? Кэл не мог окончательно в этом разобраться.

Трава и дорожки, скамейки и невысокие деревья, щебет птиц. Прищурившись, Кэл замедлил шаг и огляделся. Он был не один в этом странном саду. Здесь прогуливались санитары и... пациенты? Заключенные? Он не мог определить. Они были одеты в серые туники поверх белых маек и такие же серые брюки.

Униформа. Кэл не любил униформу.

Кто-то смотрел с любопытством, а кто-то никак не отреагировал на его неожиданное и странное появление и продолжал гулять, что-то бормоча себе под нос. Глаза Кэла привыкли к свету, он подошел к невысокому каменному ограждению и встал на него ногами.

Кэл увидел вертолеты – изящные сверкающие на солнце машины, разумеется стоящие кучу денег. Но надолго его внимание на них не задержалось. Внизу, очень далеко внизу, простирался город. Но это был не американский город. Да, он видел небоскребы, но также старинные соборы, мечети, башни.

«Мы уже не в Канзасе», – подумал Кэл, и что-то внутри оборвалось. Какой же он дурак! Глупо было надеяться, что сможет отсюда сбежать. Но он жив. Сейчас Кэл четко это осознал, как и то, что он снова в неволе.

Хотя на этот раз не в тюрьме – в какой-то проклятущей крепости.

Пока он стоял на ограждении, слегка покачиваясь и чувствуя, как его охватывает отчаяние, к нему подошел чернокожий мужчина средних лет, с аккуратно подстриженной полоской совершенно седой бородки и лысиной на макушке.

– Ну что, давай смелее, – сказал чернокожий.

Кэл посмотрел на свои ноги в белых медицинских туфлях на мягкой подошве, застегнутых на липучку. Носки туфель выступали далеко за край ограждения.

– Прыгай, – усмехнулся чернокожий.

Спиной Кэл почувствовал любопытные взгляды, но не счел нужным обернуться. Все тело дрожало, он еще не до конца владел им и не знал, устоит или упадет,

если сделает шаг назад.

Тянуло прыгнуть вниз. Оборвать жизнь по собственной воле и больше никогда не быть ни пленником, ни заключенным. И вдруг Кэл вспомнил тот страх, который охватил его, когда по венам побежала жидкая смерть, и удивительное открытие... он не хочет умирать.

С другой стороны от него раздался голос Софии.

«Дьявол за одним плечом, ангел за другим», – подумал он.

– Ты здесь не пленник, Кэл.

Эти слова заставили его обернуться. Он подозрительно прищурился и сказал:

– А выглядит именно так.

– Я хочу защитить тебя, – спокойно продолжала София. – Если ты выслушаешь меня, ты все поймешь. А если сделаешь шаг вперед, ты так ничего и не узнаешь. Доверься мне.

Довериться? С какой стати? Господи, да ведь она его похитила, и, что бы теперь ни говорила, он здесь пленник. И после всего этого она предлагает ей довериться!

Но он... жив.

– Где я? – спросил Кэл, не двигаясь с места.

– Это реабилитационное отделение фонда «Абстерго» в Мадриде.

Кэл не сумел сдержать удивления. «Абстерго»? Конечно, он знает это название. Кто ж не слышал об «Абстерго индастриз»? Все – начиная с сиропа от кашля и заканчивая геркулесовой кашей – производит «Абстерго». Черт, они, наверное, и пентобарбитал производят, который используется для смертельных инъекций, и салфетки, которыми близкие казненного утирают слезы.

Кэл тихо рассмеялся, а София с прежней настойчивостью продолжала:

– Это частная организация, которая занимается улучшением человеческой природы.

Кэл засмеялся громче. Он и улучшение человеческой природы – что может быть более абсурдным? «Не на того парня ставку делаете», – подумал он.

Но ангел не сдавался.

– С твоей помощью, Кэл, мы сможем отыскать способ искоренить насилие.

«Искоренить насилие».

Веселье Кэла угасло. Насилие было неотъемлемой частью его жизни, как дыхание. Эффективный инструмент, который всегда под рукой.

Но если быть честным, в детстве насилие не было ему свойственно. Да, он рос сорвиголовой, в нем кипела неумемная энергия, но он никогда не был жестоким, вспыльчивым, никогда не был... агрессивным. Агрессия, как незванный гость, которого никак не выпроводить, вошла в его жизнь вместе со смертью матери.

Сумеет ли этот ангел что-то сделать? И сумеет ли он ей помочь?

Разве может ребенок остаться спокойным и уравновешенным после того, как однажды найдет свою мать мертвой на кухне? Когда увидит на той же кухне отца со странным окровавленным клинком?

София Риккин поймала его взгляд. Ее неземное спокойствие обладало заразной силой. Глядя ей в глаза, Кэл опустил вниз вначале одну ногу, затем другую и отошел от ограждения.

Ее лицо оставалось по-прежнему безмятежно-спокойным, но в глазах промелькнуло... удовлетворение, больше похожее на радость. Черт возьми, даже если действие лекарств закончилось, она продолжала казаться ему ангелом.

Раздался резкий свистящий звук. Маленький дротик вонзился Кэлу в шею, и он упал как подкошенный.

Глава 4

Ангел в душе Софии закипел от злости. Но, принимая во внимание большое количество свидетелей, она мгновенно взяла себя в руки. Повернувшись, увидела Макгоуэна, который холодно смотрел на нее с чувством исполненного долга.

Разумеется, это мог быть только Макгоуэн. Никто другой не осмелился бы нарушить ее приказ не трогать Кэла.

– Спасибо большое, – сказала она ледяным тоном.

– Ваш отец приказал доставить его на место, – как бы извиняясь, сообщил Макгоуэн.

«Ну конечно, отец приказывает – все бегут исполнять». Как она от этого устала! Сейчас дело обернулось уже не просто досадной неприятностью, а демонстрацией недоверия ее профессиональным способностям. Он стал слишком активно вмешиваться в ее работу, неудержимо стремясь к результатам, которые им обоим так нужны.

– Это мой пациент. И это моя программа.

София пристально посмотрела на начальника службы безопасности. Она не была настолько глупа, чтобы не понимать, что это обычные проблемы взаимоотношений в группе. Ее намеренно ограничивают ролью отличного исполнителя, но она не собиралась сдавать свои позиции. Принципиально важно показать Макгоуэну, что она здесь главная.

Тем более что Макгоуэн здесь не один. Опрометчиво с его стороны бросать ей вызов в присутствии пациентов. Большинству из них это совершенно безразлично, но было несколько человек, которые пристально за всем наблюдали... очень пристально.

Мусса, по своему обыкновению, пытался усугубить ситуацию, подстрекая Кэла прыгнуть вниз. И Лин тоже была здесь. Китайка знала английский, но всегда предпочитала молчать, в то время как Мусса слишком эмоционален и болтлив. Вспыльчивый как порох Натан и сдержанный Эмир молча наблюдали за их стычкой с Макгоуэном.

София отлично знала, что и отец из своего кабинета следит за ней. Когда он приезжает сюда, то не спускает с нее глаз. Она любила отца и считалась с его мнением. И хотела такой же любви и уважения с его стороны.

Кэл прошел через суровое испытание и едва успел восстановиться. Не только его мозг, но и тело еще не были готовы к той задаче, что ему предстояло выполнить. Из его организма еще не выведен полностью яд, который практически убил Кэла, что и позволило вывезти его из тюрьмы и переправить сюда.

София планировала дать новичку время адаптироваться, понять, какую важную исследовательскую работу она здесь ведет, важную не только для всего человечества, но и для него лично.

Отец срочно прилетел из Лондона и, не объяснив причину, начал форсировать события.

София планировала расположить Кэла к себе, чтобы он добровольно работал с ними, а не на них. Но Алан Риккин, исполнительный директор «Абстерго», ускоряя процесс, расстраивал ее планы.

Как всегда.

Макгоуэн смотрел на нее пустыми глазами. Он знал, что победил. И София это знала.

И она резко сказала:

– Готовьте «Анимус».

Кэл то терял сознание, то вновь приходил в себя, пока два крепких санитаров тащили его по коридорам. Он попытался осмотреть огромный зал, где оказался, но голова невольно запрокинулась назад. Все в этом таинственном месте – нет, он теперь знал, как это таинственное место называется... Все в мадридском фонде «Абстерго» было фантастическим и непонятным. К этому моменту он уже научился различать реальность и галлюцинации, вызванные препаратами.

Вначале – невероятный по чистоте больничной бокс. Затем – странный лабиринт из средневековых и современных коридоров и комнат, по которым он, спотыкаясь, бежал. Сад на крыше с гуляющими там подобиями зомби, расположенный очень высоко, на уровне полета орла или – ангела.

Но это...

«Церковь», – первое, что пришло в голову, хотя он редко туда заходил. Великолепный мозаичный пол, в центре широкая площадка, окруженная двумя уровнями арок. И довершал невероятную картину ячеистый улей.

В полумраке он различил на стенах росписи – нечеткие, выцветшие от времени, а не расплывавшиеся у него перед глазами от введенного наркотика. Из окон высоко над головой лился солнечный свет и смешивался со слабой голубой подсветкой стеклянных шкафов, хранивших древнее оружие – мечи, луки, кинжалы.

Остальное пространство было заполнено ультрасовременной техникой. Взгляд Кэла скользнул по мониторам, мерцавшим непонятными графиками и схемами, и в голове возникла новая догадка: «Лаборатория».

Зачем он здесь?

Подбежал третий санитар и защелкнул на нем тяжелый полотняный пояс. Ему кажется или пряжка действительно похожа на букву «А»?

Инстинкт самосохранения включил в нем панический страх. Цепь есть цепь, состоит ли она из металлических звеньев или имеет вид полотняного пояса с пряжкой в виде блестящей буквы «А». Он лихорадочно искал глазами Софию. Она спокойно смотрела на него, и в ее холодных голубых глазах он не смог прочесть ничего.

– Клинки готовы? – спросила она.

Кэл не сразу понял, что она обращается не к нему, а к своему помощнику, стоявшему в нише у мониторов.

– Сейчас, – ответил молодой человек с бородкой. Он шагнул из двадцать первого века в век четырнадцатый, от мониторов к стеклянному шкафу, достал что-то и протянул санитарам – или каким-то ассистентам, черт их знает, кто все эти люди.

– Их принадлежность подтверждена? – задала очередной странный вопрос София.

– Они действительно принадлежали Агилару, их извлекли из его могилы.

Могилы? Они что, расхитители гробниц?

София предлагала довериться ей, и тогда он все поймет. И потому он отошел от края пропасти и за это, как дикое животное, выражаясь образно, получил укол дротиком, а потом его притащили в некое подобие церкви... где вообще ничего не имело даже малой толики смысла.

Два ассистента принесли не то латы, не то нарукавники, санитары еще крепче сжали руки, удерживая Кэла, пока их ему надевали.

Он затравленно посмотрел на Софию.

– Что это? – проворчал он, безуспешно пытаясь сопротивляться.

Нарукавники были кожаные, очень старые, но каким-то образом ему знакомые.

– Это реликвия, и твоя ДНК позволит нам связаться с твоим древним предком, – пояснила София.

– Что?

Кэл хорошо все расслышал, но ничего не понял. София, не отводя взгляда от Кэла, обратилась к своим ассистентам:

– Приготовиться. Точка регрессии – Андалусия, тысяча четыреста девяносто первый год. Все записываем.

Экраны ожили. Кэл не успевал следить за мелькавшими изображениями, цифрами, схемами. Все это было за пределами его понимания, как для кота аэроплан.

– Рука готова, – сообщил Софии один из ассистентов.

«Рука?»

Над головой раздался зловещий звук заработавшего гидравлического механизма. Дурман в мыслях мгновенно рассеялся, Кэл четко осознал, что прикреплен к какой-то массивной машине, тускло поблескивавшей в свете, падавшем из окон. Механизм, вращаясь и обманчиво нежно жужжа, опускался, волнообразно разворачиваясь, как железная змея, просыпающаяся от долгой дремоты, пока не раскрылась его V-образная пасть.

Она опустилась куда-то за спину Кэла и с изящным щелчком замерла в готовности. Так вот что они называют «рукой»! И эта двупалая рука плотно схватила Кэла сзади за пояс.

Животный страх охватил Кэла, он едва не обделался. Кое-как ему удалось побороть страх яростью.

– Что это?

София смотрела на него с безмятежностью ангела, но вдруг опустила глаза, не в состоянии выдержать его взгляд.

– Прости, Кэл, – сказала она, и в ее голосе он услышал искреннее сожаление. – Мне тоже это не нравится.

– Тогда не делай этого!

Некое шестое чувство подсказывало ему, что он никогда не будет прежним, если она сделает то, что задумала.

София посмотрела на него, и было в ее взгляде странное смешение сожаления и жесткой непреклонности.

– Дайте анестезию.

Десять металлических игл, похожих на лапки насекомого, впились ему сзади в шею. Он не успел увернуться, как что-то острое и длинное с невыносимой болью вошло в основание его черепа.

Он закричал.

С детства Кэл боролся за свою жизнь. Он совершил убийство. И сам несколько раз был на волосок от гибели. Он убегал от полиции, в него стреляли, кололи ножом, избивали до полусмерти.

Но никогда он не испытывал такой адской боли.

«Это не больница. Не лаборатория. Это камера пыток».

Довольно скоро боль поутихла, так что он смог вдохнуть и заорал:

– Что вам от меня надо?

София спокойно и четко ответила:

– Твое прошлое.

– Мое прошлое?..

Странно, но он вдруг вспомнил песню Пэтси Клайн, которая звучала по радио в тот день тридцать лет назад.

«Я схожу с ума», – пронеслось в голове.

Кэл, не скрывая ужаса, посмотрел на Софию. Казалось, она почувствовала его состояние, и голос ее изменился.

– Послушай меня внимательно, Кэл. Сейчас ты войдешь в «Анимус».

Слово вызвало у него реакцию, которую она не ожидала. Будучи подростком, он слышал о существовании дорогого программного обеспечения, выпущенного компанией, впоследствии получившей известность как «Абстерго энтертейнмент». Ходили слухи, что они создавали игры, используя воспоминания предков конкретных людей, эти везунчики тщательно отбирались, возможно, среди тех, кто сидел в шикарных офисах и проводил время в легендарной машине под названием «Анимус», похожей на удобное супернавороченное кресло.

Пока Кэл менял колонии для несовершеннолетних и интернаты, он научился виртуозно воровать программные обеспечения прямо из-под носа у продавцов, потом за большие деньги продавал детям, которые реальным дракам с разбитыми руками и носами предпочитали виртуальные бои.

Вот, значит, каков он, этот «Анимус»? Эта чудовищная, обладающая железной хваткой рука, что тянется из мутных глубин пороков и кошмаров неизвестного человека, и есть источник для создания детских видеоигр?

София продолжала, снова завладев его вниманием:

– Все, что ты увидишь, услышишь, почувствуешь, – это информация, сохранившаяся в памяти человека, который умер более пятисот лет назад.

Вдруг Кэл заметил, что София говорит, а сама тем временем отступает от него. Накатила новая волна страха, и он потянулся к ней – единственной здесь, кто

видел в нем человека, и той самой, что распорядилась затолкнуть его в руку «Анимуса».

- Подождите! – закричал он, но было поздно.

Будто какой-то великан поднял его вверх и закружил, как на карусели. Стиснутый невероятной силой, Кэл беспомощно болтался в воздухе.

- Запомни, ты не можешь изменить происходящего, – прокричала София сквозь жужжание «Анимуса». – Следуй за событиями, не пытайся их изменить, и не вздумай убежать. Это опасно для тебя. Оставайся в потоке памяти.

С того ужасного дня, когда он зашел в дом и увидел еще не остывший труп матери, увидел отца с окровавленным кинжалом, который намеревался убить и его самого, Кэл никогда и никому не позволял подавлять или контролировать свою волю. Даже в тюрьме он сумел отстоять свое личное пространство, в каком-то смысле сумел остаться независимым.

Но здесь рука «Анимуса» и эта женщина с ангельским лицом в одно мгновение лишили его воли и превратили в тряпичную куклу. И он понимал, что это только начало.

Машина жужжала, крутила и вертела Кэла, а София продолжала давать распоряжения, смысла которых он не понимал, но полностью от них зависел.

- Включить сканер! – приказала София.

Объективы облепили его со всех сторон, их «глаза» последовательно включались и выключались, считывая... что? Откуда-то сверху спустились фантастического вида приборы и начали медленно двигаться вокруг него, зловеще пощелкивая.

Кэл перевел взгляд с окружившей его техники на людей внизу, застывших у экранов мониторов.

- Сканер считывает воспоминания, – крикнул один из них Софии. Она стояла прямо под ним на расстоянии не менее двадцати футов и, запрокинув голову,

смотрела на него.

- Состояние? – спросила она, не сводя глаз с Кэла.

- Наблюдается ток крови и нейронная активности... ДНК полностью совпала.

София, освещенная голубоватым светом мониторов, улыбнулась Кэлу.

- Держись, Кэл! – крикнула она ободряюще.

Несмотря на то что именно София устроила ему эту пытку, Кэл чувствовал, что она на его стороне.

- Сканирование цепочки ДНК. Поиск нужной временно?й точки.

Сейчас рука обращалась с Кэлом на удивление деликатно: медленно поднимала и опускала, разворачивая лицом то к одному странного вида прибору, то к другому. Кэл успокоился и даже начал привыкать к производимым с ним манипуляциям, хотя сердце продолжало колотиться.

- Есть первое совпадение воспоминаний, – сообщил ассистент.

- Целостность эго? – спросила София.

- Оптимальная, – ответил на этот раз женский голос.

- Синхронизация, – приказала София, не сводя с Кэла глаз, и он заметил тревогу на ее лице. За него? Нет, конечно, за свой проект.

- Связь с предком установлена. Мы нашли Агилара.

Неожиданно для самого себя Кэл сделал резкие движения руками – и выдвинулись клинки, спрятанные в наручах. Он недоуменно посмотрел на них.

- Эго полностью интегрировано.

Кэлу показалось, что слова ассистентки прилетели откуда-то издалека. Ему вдруг захотелось закрыть глаза, но что-то подсказывало, что этого делать нельзя. В следующее мгновение он уже плотно сжал веки.

И погрузился в странный покой.

– Синхронизация завершена, – раздался мужской голос.

Потом донесся ее голос – мелодичный, как дыхание благодатного летнего ветра:

– Хорошо.

Да, хорошо. Покой, неведомый доселе. Божественный. Как в раю.

Кэл медленно открыл глаза. Насколько он боялся прежде, настолько был спокоен сейчас.

– Начать регрессию, – приказал ангел.

– Регрессия запущена.

И Кэл полетел вниз, а пол летел ему навстречу. Его сильно затошнило.

И вдруг пол раздвинулся и его засосало в тоннель бурлящего ослепительного сияния. Он не успел закрыть глаза, как свет потускнел. И Кэл увидел величественный город, играющий красками золота, бронзы и терракоты.

Его взгляд медленно скользил, охватывая каждую деталь, и неожиданно он почувствовал себя орлом, тем самым, что летал у него над головой, когда Кэл, после неудавшейся попытки приземлиться на контейнер, переживал, как объяснить родителям, где он повредил велосипед и сам поранился.

В тот самый день его жизнь рухнула.

И вдруг Каллум Линч исчез, остался только раскинувшийся внизу город, на который он смотрел глазами парящего орла.

Глава 5

Осажденная Гранада, Испания

1491 г.

С высоты все события человеческого мира были ничтожны, растворялись в свистящем ветре на фоне могучего хребта Сьерра-Невада. Но если спуститься вниз, спикировать, как и сделал орел, можно увидеть небольшие строения, а среди них – подобную горному массиву мощную крепость, чья стена повторяла изгиб серебрищейся реки, а на мосту крепости, на ее валу и на улицах сражались, истекали кровью и умирали люди.

Ничтожная вещь – жизнь человека, но бесценная для тех, кому она принадлежит. Здесь сражались тысячи: звенели мечи, свистели стрелы, лязгали кинжалы и пики, полыхал огонь и вера жгла сердца. Дым поднимался мрачными клубами, и пробивавшиеся сквозь них лучи солнца сверкали на стальных шлемах.

Всадники лавиной грохотали по улицам, сверху лучники отчаянно пытались их остановить. Ветер трепал некогда белые знамена, ставшие сейчас грязными лохмотьями, но вышитые на них красные кресты еще можно было различить.

Под крыльями орла проплывал прекрасный дворец – Альгамбра. Мавры отчаянно сражались, защищая дворец, сверху султан угрюмо смотрел на кровавое безумие, затем он перевел взгляд на горы, где в маленькой, уже запылавшей деревушке было спрятано самое дорогое его сокровище, которое готовились спасти таинственные защитники.

«Наша задача – мальчик – так несколько часов назад сказал Наставник Бенедикто. – Нас предали. Если тамплиеры его найдут, то обменяют на Яблоко Эдема. У султана Мухаммеда не будет выбора».

Сказано кратко, но емко. Все, отправившиеся выполнять задание, были опытными и хорошо знали ценность Яблока. Но Агилар де Нерха чувствовал, что эти слова в первую очередь адресованы ему.

За несколько месяцев, прошедших со дня посвящения в братство ассасинов, он хорошо показал себя: четко выполнял приказы Наставника, никогда не проявлял своеволия. Он закрепил за собой репутацию надежного воина с холодной головой, способного контролировать свои эмоции. И то, что ему доверили участвовать в этой миссии, свидетельствовало о том, как высоко его ценят.

Ассасины знали, что магистр тамплиеров Томас де Торквемада охотится за Яблоком Эдема. А если в дело вмешивался Великий инквизитор, неизменно случались две вещи. Во-первых, вспыхивали костры и под предлогом избавления от еретиков невинные люди принимали страшную смерть.

Во-вторых, в нужное время и в нужном месте появлялся Охеда – Черный Рыцарь ордена.

Разведчик, наблюдавший за передвижениями тамплиеров, сообщил о двух дюжинах всадников, сопровождающих две повозки: одна везла бочки, и что там внутри – сказать было трудно, а на другой – пустая клетка.

Очевидно, тамплиеры намерены привезти султану наследника в клетке, как дикое животное.

Отряд возглавлял хорошо всем известный маршал Рамирес.

Крепкий, мускулистый, с безупречной осанкой, с длинными седыми волосами и лицом, покрытым шрамами, беззаветно преданный ордену тамплиеров, он был отменным стратегом и мужественным воином. Торквемада высоко ценил его.

– И вместе с Рамиресом, – разведчик посмотрел на Бенедикто, – едет Охеда.

Бенедикто ничего не сказал и даже не глянул в сторону Агилара. Но тот понимал, что Охеда, схвативший его родителей и отдавший их на растерзание Торквемаде, беспокоит Наставника. Для Бенедикто важно быть уверенным, что у Агилара не возникнет соблазна превратить миссию спасения в личную месть.

Агилар понимал это. И он не поддастся соблазну.

Но при этом Агилар знал: если во время спасения принца Ахмеда судьба предоставит ему возможность собственными руками убить Охеду, он не раздумывая сделает это.

Они начали долгий спуск вниз, перепрыгивая с одного скального выступа на другой, находя опору там, где ее практически не существовало. Они быстро двигались по направлению к деревне, где на окраине враг для устрашения уже жег дома. Спустившись, ассасины легко смешались с жителями, испуганно следящими за приближением тамплиеров. Один из постулатов Кредо гласил: «Будь незаметным, оставаясь на виду».

Как только показались всадники, ассасины разделились и просочились в толпу. В авангарде ехали воины с безжалостно холодными глазами, облаченные в латы, в красных плащах, вооруженные копьями, мечами или арбалетами.

Одни всадники остались в седле, с высокомерием оглядывая толпу. Другие спешили и окружили жителей, готовые при малейшем неповиновении уничтожить любого.

Маршал Рамирес выехал вперед. Легендарный воин был в изысканной бархатной тунике красного цвета, надетой поверх кольчуги. Фигура маршала притягивала взгляды, но Агилар смотрел вовсе не на него, сосредоточив все свое внимание на огромном, как гора, рыцаре, который с каменным лицом ждал, пока маршал спешится.

Агилар понял, почему Охеда получил прозвище Черный Рыцарь. Все – от заплетенных в косу волос до сапог – было черного цвета, чернее мрака ночи. «Как и его сердце», – с внезапным приливом ярости подумал Агилар. Воротник из тисненой кожи, защищавший толстую шею рыцаря, и наплечники на его могучих плечах покрывали царапины. Желтая песочная пыль толстым слоем лежала на плаще с вышитым крестом. Единственное, за что мог зацепиться луч

солнечного света и рассыпаться блеклыми искрами, – потускневшая серебряная кольчуга под кожаным нагрудником. Наручи у него отличались от наручей Агилара, они были сделаны из великолепной тисненой кожи черного цвета.

И конь под пыльной черной попоной был под стать своему седоку – породистый и мощный вороной жеребец с густой гривой и таким же густым хвостом. Красивый андалусский жеребец, как и сам Охеда, был в доспехах из черной кожи, усеянных острыми металлическими шипами.

Спешившись, Рамирес в сопровождении небольшой группы воинов твердой походкой направился к небольшому каменному дому. Охеда со своими рыцарями остался снаружи. Он молча и неподвижно сидел в седле, но уже одним своим присутствием внушал жителям деревни панический ужас. Неудивительно, что Торквемада высоко ценил Черного Рыцаря. От дыма, смешанного с пылью, Агилару жгло глаза. Приученный терпеть боль, он снимал ее остроту частым морганием.

Несмотря на обретенную выдержку, сердце Агилара учащенно забилося, когда он впервые увидел человека, погубившего его родителей. Но он сохранял спокойствие, помня о миссии, возложенной на него Наставником.

Только мальчик – его тамплиеры могли обменять на Яблоко Эдема – имел значение. Только мальчик – и ничто больше. И если по воле счастливого случая Рамирес со своими воинами не найдет в этой деревушке наследника султана, ассасины не тронут ни его, ни остальных. И Агилар будет молча и неподвижно наблюдать, как ненавистные тамплиеры живыми и невредимыми покинут деревню.

Это было бы идеальным исходом дела. И Ахмед остался бы в безопасности, и Яблоко Эдема было бы сохранено, и все ассасины вернулись бы сегодня в крепость живыми.

Но почему-то Агилар хотел, чтобы все вышло иначе.

И минуту спустя это совсем не благородное желание сбылось: в доме раздался крик, выбежал воин.

– Мы нашли его, – сообщил он застывшему в ожидании Охеде. Тот кивнул и, на удивление ловко для такого мощного воина, спешился.

«Кто же предал нас?» – гадал Агилар. Вероятно, это навсегда останется тайной. На руку тамплиерам сыграл чей-то страх или алчность. Но это не имеет значения. Миссия ассасинов – спасти юного принца Ахмеда.

И ее нужно выполнить.

Охеда двинулся к дому, распугивая жителей, как лев коз. Щелки глаз цепко хватали и отбрасывали каждого, кто попадал в поле зрения. Вдруг его взгляд остановился на женщине, Охеда схватил ее за головной платок и резко повернул руку, наматывая его; женщина не удержалась и упала на колени.

– Кто прятал мальчишку? – прогремел его бас.

Агилар видел страх и боль в глазах женщины, но она молчала. Охеда нахмурился, его огромная рука сделала еще один оборот, женщина захрипела.

– Я. Я один, – раздался голос, и из толпы вышел мужчина.

Это был Диего, давний друг братства. Бенедикто пришел к нему и попросил спрятать юного принца, и у Диего хватило смелости укрыть мальчика. Как и женщине, которую держал Охеда, ему сейчас было страшно – любому здравомыслящему человеку было бы страшно в подобной ситуации, но Диего не подавал виду.

Агилар знал: чтобы сохранить жизнь и даже разбогатеть, Диего достаточно показать на человека в капюшоне, растворившегося в толпе, и выкрикнуть одно слово: «ассасин». Но он этого не сделал.

Прокладывая путь сквозь толпу, Агилар заметил, что Диего и женщина быстро обменялись взглядами. И Охеда это заметил. Рыкнув, он приподнял женщину и швырнул на землю. Обернулся и посмотрел на вышедшего из толпы мужчину, над которым возвышался почти на фут.

– Никто не знал, что мальчик здесь, – сказал Диего.

Охеда смерил его взглядом и кивнул рыцарям.

– Меня восхищает твоя смелость, за это я сохраню тебе жизнь.

Диего облегченно выдохнул, словно не замечая, что рыцари уже крепко держали его за руки. Рот Охеды дернулся в подобии улыбки, он приказал:

– Всю его семью повесить у него на глазах. Первыми женщин. От них разит грехом и свиным навозом. Деревню сжечь.

«И после этого тамплиеры смеют утверждать, что преданно служат Господу», – подумал Агилар. Ярость закипела в крови. Он подавил ее и, вместо того чтобы броситься на ненавистного и жестокого врага, заставил себя непринужденно лавировать в толпе, выжидая.

И, даже услышав приговор, Диего не выдал ассасинов. Он понимал, что поставлено на кон, и знал, что у него и его семьи остается шанс спастись, пока ассасины живы. Тамплиеры потащили Диего и женщину – его жену – к месту казни.

Агилар держал голову опущенной, темно-коричневый капюшон скрывал его лицо. Внутри все кипело от соблазна подойти поближе к Охеде и убить его. Но богиня судьбы определила ему иную миссию, и, как напоминание, Наставник Бенедикто тенью маячил за спиной Черного Рыцаря.

Следуя своей цели, Агилар незаметно вышел из толпы и скользнул за дом, в котором был спрятан принц, быстро взобрался на крышу и притаился. Его никто не заметил. Жителей деревни ударами и пинками швыряли на землю, тем временем воины вытащили из дома мальчика. За ними с видом победителя вышел Рамирес. Он с удовлетворением наблюдал, как мальчика потащили к повозке, на которой помещалась клетка. Грубо распахнули дверцу клетки и затолкали Ахмеда внутрь.

– Смотрите на принца Гранады! – с презрением прокричал Рамирес. – И теперь его отец, султан, сдаст свой мятежный город – последнее пристанище неверных! Господь накажет их за ересь. Испания наконец перейдет во власть тамплиеров!

Ассасины дали ему пережить минуту славы. И атаковали – одновременно и точно, словно заранее спланировали каждое движение.

Агилар спрыгнул с крыши, клинки мгновенно вылетели из наручей. Рамирес увидел тень ассасина и повернулся, но слишком поздно, чтобы обнажить меч. Он успел лишь глянуть в глаза Агилара, и лезвия крест-накрест полоснули ему по горлу.

Кэл посмотрел на свою правую руку и увидел тонкий стальной клинок под пальцами... но почему пальцев не пять – четыре? Ритуал...

– Оставайся в потоке памяти, Кэл!

Агилар закрыл глаза мертвому Рамиресу и выпрямился.

– Ассасины! – завопили вокруг.

И ад разверзся.

Глава 6

Прыжок Агилара стал сигналом к бою.

Он заметил, что Бенедикто встал прямо за спиной Охеда. Каким-то звериным чутьем Охеда распознал присутствие ассасина. И в тот момент, когда Бенедикто размахнулся топором, который наверняка должен был отсечь Черному Рыцарю голову, тот присел и с невероятной быстротой отскочил в сторону.

Огромный кулак пришелся Бенедикто прямо в лицо, мгновенно последовавший второй удар сбил его с ног. Агилар вдруг понял, насколько правы были братья, уверяя, что он не мог спасти своих родителей, даже если бы стоял среди зевак на площади во время их сожжения. Агилар не был новичком, не познавшим крови. Он вместе с братьями уже сражался с воинами, причем не менее опытными, чем Рамирес, которого он только что убил. Но Охеда более походил на неукротимую стихию, нежели на смертного человека.

Все это вспышкой молнии пронеслось в его голове.

Краем глаза он заметил, как один из братьев выхватил парные мечи и зажал шею тамплиера между острых как бритва лезвий. Голова покатила по земле с широко открытыми от удивления глазами.

Другой сзади перерезал рыцарю горло, третий свернул противнику шею.

Еще один, повалив врага на землю, ногой раздавил ему трахею.

Но именно Мария первой вспомнила о наставлениях Бенедикто: «Наша задача – мальчик!» И пока братья, включая Агилара, на которого набросились два тамплиера, продолжали вести бой, она побежала к повозке, где в клетке сидел принц Ахмед.

Каждый ассасин владел особыми, скрытыми в наручах клинками. Агилар знал, что в наручах на одной руке Марии спрятан механизм, который выбрасывал нож, как стрелу, в других были два тонких парных лезвия.

Вот и сейчас она сделала резкое движение левым запястьем – и в живот тамплиера, стоявшего у повозки, вонзились два острых клинка. Тот согнулся, Мария выхватила у него копье и пронзила острием горло противника.

Тамплиер упал на землю. Мария легко запрыгнула на место кучера, хлестнула вожжами лошадей, и они понеслись.

Агилар все это заметил мельком и бросился наперерез двум воинам, которые пустились в погоню за Марией. Одного он ударом кулака опрокинул навзничь, из резкого разворота полоснул клинком по горлу второго, подбиравшегося сзади,

сделал еще один разворот и, свернув шею пытавшемуся подняться врагу, швырнул его лицом в землю.

На мгновение он поднял голову, чтобы перевести дыхание, и увидел новую угрозу – Охеду. Это был не просто мощный и умелый воин, он был дьявольски умен. Именно поэтому Бенедикто выбрал его своей целью.

Но Наставнику не принесли успеха ни боевое мастерство, ни богатый опыт, ни безупречное умение выбрать нужный момент. И сейчас трое солдат навалились на Бенедикто, пытаясь сломить его отчаянное сопротивление.

Сердце Агилара дрогнуло, но бешеная ярость затмила сострадание.

«На его месте должен быть я. Я, не Бенедикто, вооружен непримиримой ненавистью. Это я должен был прикончить Охеду».

– Агилар! – только и успел крикнуть Бенедикто, задохнувшись от сильного удара в живот.

Стоило Агилару двинуться в сторону Охеды, тот завертел головой и увидел, что Мария увозит наследника.

С неожиданной для такого громилы скоростью он подлетел ко второй повозке, сбросил на землю своего же воина и занял его место.

– Агилар! – сквозь крики и лязг оружия донесся голос Бенедикто. – Мальчик! Мальчик!

Агилар заскрипел зубами. Всеми фибрами души он рвался в погоню за Охедой. Расклад сил был не в пользу ассасинов. Он понимал, что может погибнуть сегодня. И если этому суждено случиться, он хотел умереть в поединке с Черным Рыцарем, убившим его родителей и сейчас приказавшим стереть с лица земли деревню, жители которой осмелились встать на пути тамплиеров.

Но Агилар подчинился Наставнику. В следующее мгновение он уже был рядом с всадником. Одной рукой схватил поводья испуганной лошади, второй скинул седока, а затем запрыгнул в седло.

Сильное, быстрое и послушное животное стрелой рванулось вперед. Остальные братья тоже услышали приказ Наставника. Один за другим они разделялись со своими противниками – кроме тех, кто пал в схватке, – и поспешили вдогонку за повозками.

Но и тамплиеры заметили бегство Марии с наследником и как бешенные пустились вдогонку. Охеда настигал ее, практически поравнялся с ней. Мария наградила его презрительным взглядом, гикнула и стегнула лошадей. Первым ее догнал верховой тамплиер, он прыгнул и ухватился за прутья решетки.

Агилар торопил коня, припадая к его шее. Мария вовремя заметила тамплиера, смотревшего на нее с вожделием хищника. Она мгновенно подпрыгнула, сделала кувырок в воздухе, оттолкнувшись ногами от стены узкого каменного ущелья, приземлилась в повозку прямо за спиной тамплиера.

Замешкавшись, он не сразу пустил в ход меч, и это ему дорого стоило. Мария ударила его ногой в живот, он выронил оружие, и она нанесла второй удар. Тамплиер вылетел из повозки на камни, а Мария успела подхватить выпавший из его рук меч.

На смену упавшему воину в повозку забрался второй. Мария замахнулась на него тамплиерским мечом.

Но этот оказался проворнее первого. Он ловко увернулся и бросился на Марию с длинным кинжалом. Она отпрыгнула, закружилась, как дервиш, и ударила его локтем в лицо. Еще один разворот, и она ногой раздробила ему кадык. Тамплиер зашатался, хватая ртом воздух, и выпал из повозки.

Третьего, догнавшего ее, она сразила в грудь стрелой из арбалета. Быстро запрыгнув на клетку, а оттуда на место кучера, схватила поводья и подстегнула лошадей.

Схватка заняла не более минуты.

За повозкой с принцем неслась кавалькада всадников из рыцарей и братьев, на узкой дороге стало тесно. Агилар направил своего коня вправо на горную тропинку, чтобы обогнать теснившихся на дороге. Охеда догонял повозку с Марией и юным пленником, а он догонял Охеду.

Он коленями ударил коня, заставляя поднажать, и вскочил ногами на седло. На мгновение задержался, балансируя и выбирая нужный момент, и прыгнул с несущегося галопом и покрытого пеной скакуна прямо в повозку Охеда. Приземлился не самым удачным образом, сильно ударившись о деревянный борт повозки.

Агилар понимал, что его прыжок не останется незамеченным. Он не успел подняться, как Охеда уже бросился к нему.

Впервые в жизни Агилар де Нерха получил возможность посмотреть прямо в глаза убийце своих родителей. Он удивился, что у Охеда были странного цвета глаза: один карий, второй неестественного бледно-голубого цвета, пересеченный шрамом, идущим от брови вниз к подбородку. Но оба глаза смотрели на него с холодной звериной злобой. На мгновение в них искрой мелькнуло узнавание и тут же погасло. Мать часто говорила Агилару, что у него отцовские твердо очерченные скулы и ее глаза.

«Охеда, ты вспомнил их, глядя в мое лицо? Почувствовал холодные мурашки, словно встретил призрака из своего темного прошлого?»

Секунду они смотрели друг на друга, а затем Охеда с ревом бросился на Агилара. Небольшой острый топор взмыл вверх и обрушился на ассасина. Тот едва успел выбить его из рук Черного Рыцаря. Топор отлетел в сторону. Не медля ни секунды, Охеда снова яростно атаковал Агилара, не давая тому шанса нанести ответный удар или обнажить спрятанные в наручах клинки.

Марию окружали тамплиеры, и на какое-то мгновение он потерял ее из виду. Его охватил страх, невыносимо было думать о том, что ее выкинут из повозки, под копыта несущихся галопом лошадей. Но Агилар не позволил страху взять над собой верх, когда он сражается один на один с Охедой...

Неожиданно повозку сильно подбросило – колесо ударило о большой камень. По горной дороге нельзя так гнать лошадей. Поединок не состоялся. Раздался страшный грохот и оглушительное ржание лошадей. Колесо слетело, и повозка рухнула осью на землю, угрожая перевернуться. Обоих противников бросило вперед. Агилар воспользовался ситуацией и прыгнул в повозку Марии...

...Огромная механическая рука резко приподняла Кэла, так что он повис, болтаясь в воздухе, но тут же бросила его вниз на каменный пол...

...и, едва не промахнувшись, ударился об угол железной клетки и, охнув, упал на дно повозки.

Агилар слышал, как за спиной с треском, ломалось дерево, повозка с Охедой раскололась в щепки. Он надеялся, что и Охеда останется лежать на дороге, истекая кровью и умирая.

Приятная сердцу картина. И только великолепных лошадей было жалко.

Агилар посмотрел вперед и ужаснулся. Мария словно бы выпала из повозки и повисла между двумя задними лошадьми.

По тому, как яростно орал тамплиер, пытаясь достать ее мечом и не замечая ассасина, возникшего в повозке у него за спиной, Агилар догадался, что Мария жива.

У Агилара не было времени забираться на крышу клетки. Одним движением он выхватил из ножен на бедре кинжал и метнул его. Кинжал пролетел прямо над головой перепуганного принца, не задев прутьев решетки, и вошел в шею тамплиера. Безжизненное тело сползло с сиденья, представляя теперь не больше опасности, чем любой камень на дороге.

Агилар вскочил на ноги и поверх клетки посмотрел вперед. И снова его охватил ужас. Мария и пытавшийся убить ее тамплиер так были поглощены схваткой, что перестали управлять повозкой. Испуганные шумом и запахом крови, лошади неслись галопом прямо в пропасть.

Было поздно хвататься за поводья и разворачивать лошадей влево, возвращая на дорогу. Агилар посмотрел в испуганные глаза мальчика и попытался острием кинжала открыть защелку клетки. Сердце его дрогнуло, когда он услышал крик Марии:

– Агилар! Мальчик!

Любимый голос придал ему силы. Он рывком открыл дверцу и вытащил принца. В это мгновение лошади уже должны были лететь в пропасть. Но этого не произошло. Они каким-то образом свернули влево, но повозка продолжала мчаться к верной гибели.

Унося с собой Агилара и принца Ахмеда.

Колеса уже не касались земли, повозка перевернулась и полетела вниз.

И тут наконец принц закричал.

Но продолжал мертвой хваткой держаться за руку Агилара. Из наруча на этот раз вылетел не клинок, а крюк. Он надежно впился в землю, прикрепленная к нему веревка натянулась.

Рука Ахмеда соскользнула.

Быстрее, чем атакует змея, Агилар извернулся и схватил его за запястье. Они болтались в воздухе, их раскачивало и безжалостно било о стену пропасти.

Слышно было, как далеко внизу повозка с грохотом разбилась о камни.

А над ними на самом краю пропасти, зловеще ухмыляясь, стоял Охеда.

Глава 7

– Возвращайте его! – закричала София.

У нее была тщательно подобранная команда, которая умела молниеносно выполнять приказы. Но сегодня она была довольна их работой как никогда.

Рука «Анимуса» опустилась на пол. Кэл безвольно висел в ее железном захвате. Он был без сознания, но живой.

– Начать реабилитацию, – распорядилась София. – Проверьте работу всех его систем и зарегистрируйте состояние.

Она подошла к Кэлу и опустилась возле него на колени. Пристально посмотрела в широко открытые, ничего не видящие глаза и едва сдержала желание погладить его. Но София Риккин была ученым, и притом хорошим. А ученые не должны позволять себе какие-либо симпатии к лабораторным крысам.

«Но от него так много зависит...»

– Ты молодец, Кэл, – непроизвольно вырвалось у нее. И в голосе слышалась теплота.

Подошли санитары и подняли обмякшее тело Кэла.

– Поаккуратнее с ним, – велела София. – Никто не должен входить в его блок без моего разрешения, включая моего отца, – добавила она.

Санитары кивнули и потащили Кэла, пусть не бережно, но осторожно, как она и просила.

– Вы тоже молодцы, – сказала София, обращаясь к Алексу и Самии, своим ассистентам. – Как его состояние?

– На удивление хорошее, – ответил Алекс. – Крепкий парень. Все показатели хорошие. Но вы же знаете, в любом случае надолго его не хватит.

– Да, это было слишком интенсивное имитационное моделирование, особенно для первого раза, – согласилась София.

Кэл сейчас эмоционально опустошен и будет спать несколько часов. В их распоряжении достаточно времени, чтобы обработать полученную информацию. И София была готова приступить к работе немедленно.

– Можете пойти пообедать, – предложила она своим ассистентам. – Вернетесь, и мы продолжим работу.

Алекс и Самиа переглянулись. Они, как никто другой, знали своего босса и понимали, что София хочет сама кое в чем разобраться.

В конце концов, эту технологию, как теперь стало ясно, разработала именно София Риккин. И застывшую в центре зала огромную руку, и ее ранние версии, что находились в других центрах «Абстерго», разбросанных по всему миру.

Ассистенты кивнули и пообещали вернуться через час. Когда разошлись и остальные члены ее команды, София осталась наедине со своим любимым творением.

София родилась в тысяча девятьсот восьмидесятом году, когда Уоррен Видик, создатель первого «Анимуса», только начал серьезную работу над этим проектом. Софии нравилось думать, что она росла вместе с «Анимусом». Ранние модели представляли собой кресло или стол, где испытуемый лежал со специальным шлемом на голове, который считывал активность мозга и через его ДНК обеспечивал доступ к памяти предка. Записи имитационного моделирования выводились на экран компьютера.

Но София, чьими няньками в детстве были компьютеры, мечтала добиться большего. По ее мнению, необходимо было трехмерное моделирование, соответствующее реальным размерам и объемам, то есть наблюдатель должен был видеть события такими же, какими их видел подопытный. Требовалось создать виртуальную реальность, но на более высоком уровне, чем было доступно на тот момент.

Более того, ей хотелось вовлечь в процесс и тело испытуемого, чтобы он мог прожить события прошлого в активной, а не пассивной форме. София считала, что большинство ученых недооценивают преимущества кинестетической памяти. Она твердо верила: это создаст цепь положительной обратной связи. Если испытуемый будет совершать те же движения, что и его предок, например движение руки, позволяющее выдвинуть скрытый клинок, то они глубоко отпечатаются в его памяти.

«Это так очевидно», – сказала она своему отцу, когда они ужинали в одном из ресторанов Парижа. И хотя он скрыл свои эмоции под маской вежливой бесстрастности, она поняла: для него это совершенно не очевидно.

В прежних моделях использовали лишь часть предлагаемых Софией решительных перемен. И только эта, последняя, была воплощением всех ее идей.

София включила запись, чтобы повторно просмотреть ее. Она видела то, что видел Кэл, но не могла чувствовать то, что переживал он. И была этому рада. София никогда не испытывала желания оказаться в «Анимусе», хотя слышала, что новый директор Центра исторических исследований в Лондоне сделал это под нажимом тамплиеров высокого ранга.

Она просматривала эпизод, когда Кэл наклонился над Рамиресом и на мгновение застыл в ужасе и полном недоумении. Здесь она могла его потерять – в момент первого убийства. Но Кэл услышал, как она его окликнула, и остался в потоке памяти. И, ах, какой получился материал – ясный, четкий. А ведь для него это был первый эксперимент.

София остановила запись в другом интересном месте и обошла вокруг могучей фигуры Охеды. Она внимательно рассматривала его облачение – великолепные доспехи, искусная работа, и все для того, чтобы мечи, стрелы, копья оставили на них свои безобразные метки, чтобы их, как сейчас, покрывала пыль, грязь и кровь. Замечательно. Она могла протянуть руку и практически прикоснуться к Черному Рыцарю.

У Кэла была такая возможность. Все воспоминания он пропустил через свою сенсорную систему. Когда он убил Рамиреса, для него это было столь же реально, как если бы он пронзил живого человека в этом зале.

У Софии Риккин был секрет. Она никогда и никому о нем не говорила, даже отцу. Большинство своих научных открытий она делала не только в результате напряженной работы ума, ведомая жаждой знаний. Сначала они родились в ее воображении – воображении маленькой одинокой девочки, настолько важной для великого Алана Риккина, великого магистра ордена тамплиеров, что ее оберегали от игр и общения с обычными детьми, но не настолько важной, чтобы отец мог понять, что именно об этих играх она страстно мечтала все свое

детство.

И София Риккин научилась создавать свои собственные игры... создавать «воображаемых друзей». Она любила историю, и поэтому ее «друзья» были из разных эпох. Она любила науку, и поэтому ее «друзья» приходили к ней через машину времени.

Она не создала машину для путешествий в прошлое в буквальном смысле, но «Анимус» позволял максимально к этому приблизиться. Могучая фигура тамплиера, застывшая в центре зала, была материализацией идеи, которая осенила ее в пять или шесть лет. Она дала телесную оболочку и голос человеку, который существует только в памяти другого человека, умершего много веков назад.

София оглянулась на застывшую голограмму Каллума Линча. У них было много общего, больше, чем он мог предположить.

И в какой-то мере София завидовала ему.

Алан Риккин, исполнительный директор «Абстерго индастриз», великий магистр ордена тамплиеров, член закрытого совета ордена, куда входили только избранные, был гражданином мира. Но прежде всего он был англичанином и потому предпочитал всем другим офис в Лондоне. Еще вчера вечером он был там и в Мадрид прилетел позже намеченного – задержали неотложные и малоприятные дела. Но час назад ему сообщили, что сегодня вечером желательна его присутствие в Лондоне. Алану Риккину определено не дадут порости мхом.

Его радовало, что дело, похоже, стало быстро продвигаться вперед благодаря научным исследованиям Софии. Но недавно ему ясно дали понять, что не все старейшины и иерархи ордена согласны с выбранным направлением и это нужно пресечь на корню, чем скорее, тем лучше.

Риккин должен был признать, что мадридский офис фонда «Абстерго» мало чем уступал офису «Абстерго индастриз» в Лондоне.

Здесь София реализовывала свои научные идеи, и он ей в этом потворствовал. Но офис принадлежал ему и отражал – как и все остальные его резиденции – его представления о красоте и истинных ценностях.

Кабинет украшали живописные полотна, запечатлевшие великие моменты в истории тамплиеров. Всю стену за его спиной занимала карта мира, где зелеными точками были обозначены офисы «Абстерго», а белыми – зоны особого интереса тамплиеров. В отдельных городах, например в Лондоне, белые точки сливались в большое пятно. Над картой тянулся ряд часов, показывавших точное время в основных крупных городах мира.

Действительно уникальный артефакт – белый флаг с красным крестом, который в эпоху Крестовых походов развевался над головой Робера де Сабле, великого магистра ордена тамплиеров, – стоял в отдельном стеклянном шкафу.

Под стеклом лежали старинные книги в кожаных переплетах. Также здесь хранилась коллекция антикварного оружия, часть которой, как, например, щиты и мечи с крестами тамплиеров, досталась Алану Риккину от его предков.

Прочее – моргенштерн, арбалеты, первые пистолеты с колесцовым замком, пищали, искусно сделанные дымовые бомбы, больше похожие на флаконы для ароматических масел, – некогда принадлежало ассасинам.

Один из любимых луков Алана Риккина по всей длине был украшен резьбой: стилизованные фигурки «героев» в капюшонах скрытыми клинками расправляются со своими врагами в рыцарских плащах с крестами тамплиеров. И вот теперь этот лук поверженного «героя» в коллекции великого магистра ордена.

Но скоро не только оружие ассасинов, но и те немногие из них, кто еще остался на земле, окажутся в его власти. И это поставит на место ту жалкую кучку тамплиеров, что выражают сейчас недовольство. Не по этой ли причине его так срочно вызывают в Лондон? В разговоре они были скупы на объяснения.

Сегодня вечером, когда в голове крутилось столько мыслей, он успокаивал себя, играя на рояле Шопена, а потом смотрел свое последнее выступление на ассамблее «Большой семерки».

«Оглядываясь назад, – говорила с огромного плазменного экрана его серьезная и важная копия, – мы видим, что вся мировая история – это история насилия. В прошлом году асоциальное поведение стоило экономике девять триллионов долларов. Современный человек подвержен такому высокому уровню агрессии, с которым он не в состоянии справиться».

К его голосу и едва слышным звукам музыки добавился легкий шелест, но Алан Риккин продолжил смотреть запись со своим выступлением.

«А теперь представьте, – говорила его копия, – что эти огромные средства можно было бы направить, например, на образование и здравоохранение, на развитие новых технологий...»

– Не кажется ли тебе, что я выгляжу старым? – спросил настоящий Алан Риккин у подошедшей к нему дочери. Она сменила свой белый докторский халат на простое черное платье.

– Да, отец, – ответила София жестоко, но честно. – Ты и в самом деле старый.

Риккин улыбнулся с легким укором:

– Молодец! Думаю, в моем возрасте тщеславие неуместно. В шестьдесят пять не стоит жаловаться даже самому себе.

София ласково улыбнулась:

– Ты выглядишь великолепно.

– Ну что, – он поднялся и подошел к окну, посмотрел на раскинувшийся внизу Мадрид, – регрессия прошла успешно?

– Линч – то, что нам нужно, – сказала София. Риккин вздернул бровь. София, как и подобает ученому, проявляла осторожность в высказываниях, но было очевидно, что она уверена в своей оценке. – Прямой предок Агилара. Все очень точно воспроизвел. С первой попытки. Мы провели много регрессий, но эта... действительно впечатляет.

Она смотрела не столько на живого отца, сколько на того, что был на экране, увлеченная его речью.

«С вашей помощью, – говорил отец с экрана, и его покрытое морщинами, но все еще красивое лицо лучилось искренностью, – „Абстерго“ из компании, занимающей ведущее положение на рынке, станет первопроходцем на пути к нашей всеобщей мечте – миру без насилия».

Аудитория «Большой семерки» разразилась громом аплодисментов. София улыбнулась.

– Ты снова украл мои слова, – съязвила она.

– Я краду лишь у лучших, – парировал Риккин. У любого другого это бы прозвучало как шутка, но отец был чрезвычайно серьезным человеком. – А что с Яблоком?

– Практически у нас в руках, – уверенно ответила София, и тень победоносной улыбки мелькнула на ее лице.

– Что там произошло? – спросил Риккин, сняв маску непринужденности. – Если он так хорош, зачем ты его вывела?

– Мне пришлось, – ответила София. – Он нам нужен здоровым. Он еще не восстановился от действия тетродотоксина, когда Макгоуэн ввел ему сильный транквилизатор, и после этого мы сразу поместили его в «Анимус». Вряд ли так можно заслужить его доверие. Но я считаю, что смогу это сделать. И как только мне это удастся, он приведет нас к Яблоку.

Риккин застегивал запонки, готовясь к предстоящему вечеру в Лондоне, и пропустил ее слова мимо ушей.

– Поторопи его, – приказал он.

София снисходительно улыбнулась:

– «Анимус» так не работает.

Риккин знал, что люди его боятся, и пользовался этим. Большинство тамплиеров с готовностью ему подчинялись. Но София лишь улыбалась. Она его никогда не боялась. Ни разу он не заметил на ее лице и тени испуга. Это и радовало, и раздражало. Сейчас он почувствовал именно раздражение.

Риккин мысленно вернулся к разговору о старости, его пораженные артритом пальцы никак не хотели застегивать запонки. София справедливо заметила – он в самом деле старый. Риккин раздраженно вздохнул.

София подошла к нему, как безмолвная тень в своем черном платье, ее ловкие пальцы быстро застегнули запонки и нежно разгладили манжеты рубашки.

– Вот и все.

Несмотря на увлеченность наукой, София сохранила мягкость и доброту – качества, которые он давно утратил, если вообще когда-либо имел.

– Спасибо, – искренне поблагодарил он.

Их взгляды встретились. У Софии были большие голубые глаза, как у ее матери. А от него она унаследовала упорство и целеустремленность.

И эти ее качества вместе с недюжинным интеллектом привели их к величайшему достижению. Один шаг – и они войдут в вечность.

– В тысяча девятьсот девятнадцатом году Резерфорд расщепил атом, – тихо произнес он.

Она внимательно смотрела в его глаза, желая понять, что он хочет этим сказать.

– В тысяча девятьсот пятьдесят третьем году Уотсон и Крик открыли двойную спираль ДНК. В две тысячи шестнадцатом... – исполненный гордости он сделал паузу, позволяя себе насладиться этим чувством, – моя дочь излечит мир от насилия.

София опустила глаза, ее смутило сравнение с великими учеными мужами прошлого. Она себя среди них не видела. Тамплиеры не должны гордиться своими талантами, способностями, интеллектом... и достижениями в материальном мире.

Нежно Алан Риккин приподнял ее подбородок, чтобы снова посмотреть ей в глаза.

– Мы с мамой выбрали для тебя очень хорошее имя. – (София в переводе с греческого значит «мудрость».) – Ты всегда была умнее меня.

Он искренне, что бывало с ним крайне редко, улыбнулся ей, но что-то похожее на сожаление застыло в уголках его губ.

Алан Риккин опустил руку, вздохнул и выпрямился, готовясь к неприятной встрече.

– Мне пора, опаздываю. Вечером нужно быть в Лондоне. Думаю, долго там не задержусь.

– В Лондоне? – удивилась София. – Зачем?

Риккин вздохнул:

– Я обязан доложить старейшинам.

Глава 8

Алан Риккин не привык к тому, чтобы его вызывали на ковер. Но и ему приходилось перед кем-то отчитываться, и этими кем-то были старейшины. И когда они его звали – особенно когда звала глава совета, – он прибегал, как

послушная собака.

Он стоял один в зале заседаний, заложив руки за спину и пристально рассматривая висевшую на стене картину.

Зал был величественно прекрасен, здесь, как и во всех резиденциях ордена, прошлое тесно переплеталось с настоящим: в интерьере отлично сочетались удобные современные стулья и изысканной работы большие средневековые подсвечники. На стене слева от него размещалась потрясающая коллекция из полусотни средневековых мечей, замкнутых в поблескивавший серебром круг.

В центре круга висел щит с красным крестом на белом фоне. Копья и боевые топоры завершали экспозицию.

Но именно картина приковала к себе взгляд Алана Риккина. За несколько веков ее краски не потускнели, а внимание художника к деталям просто поражало, учитывая то, сколько людей удалось ему уместить на полотне.

«Аутодафе» – так называлась картина. В переводе с португальского – «дело веры». И заключалось это дело в сожжении еретиков заживо.

Великий художник запечатлел зрителей всех сословий – от королевской семьи до простых смертных. Все они наблюдали – возможно, с большим удовольствием или же в религиозном экстазе – за еретиками, которые в клубах дыма отправлялись к Всевышнему по приказу Великого инквизитора, чья маленькая фигурка восседала между такими же миниатюрными королем и королевой.

Риккин услышал цоканье высоких каблуков по мраморному полу и спокойный, четкий голос:

– Работа Франсиско Риси. Картина называется «Аутодафе на Пласа-Майор в Мадриде». Это событие произошло в тысяча шестьсот восьмидесятом году.

Он обернулся.

Эллен Кэй, председатель совета директоров и глава совета старейшин. Стройная, почти одного с ним роста и возраста, она была одета в темно-синий

деловой костюм, элегантный и вместе с тем консервативный, и шелковую блузку кремового цвета.

– Мне кажется, королева Изабелла изображена здесь слишком молодой[6 - Годы жизни королевы Изабеллы Кастильской – 1451–1504.], – колко заметил Алан Риккин.

– Тысяча четыреста девяносто первый год был более важным для нас, – сказала Эллен, оставив без внимания его попытку пошутить. – Это год войн, религиозных гонений... и момент, когда отец Торквемада был близок к Яблоку Эдема, как никто из ордена.

Риккин подошел ближе, и она едва заметно улыбнулась.

– Как ваши дела, мой друг? – с теплотой в голосе спросила Эллен.

Он склонился и поцеловал ей руку.

– Отлично, ваше превосходительство, – с улыбкой ответил Риккин. – Но думаю, вы вызвали меня из Мадрида не для того, чтобы поговорить о живописи, пусть и прекрасной.

Разумеется, он был прав в своих предположениях. Эллен Кэй не любила ходить вокруг да около и поэтому сразу перешла к делу, заговорив резким, но вместе с тем как бы слегка извиняющимся тоном:

– На следующей неделе состоится совет старейшин, и ваш проект будет упразднен.

Улыбка сошла с лица Риккина, в груди у него похолодело. «Абстерго» работал над этим проектом не один год – десятилетия. С рождения Софии. Но только в последние несколько лет они смогли совершить прорыв в технологиях и начали продвигаться вперед семимильными шагами, сметая на пути к заветной цели все барьеры.

– Тридцать лет достаточно для бесплодных мечтаний, – неумолимо продолжала Эллен. – Мы считаем, что три миллиарда, выделяемые для проекта ежегодно,

можно использовать более рационально.

Она ничего не поняла.

Риккин заговорил в ответ, и голос его звенел металлом:

- Три миллиарда ничто по сравнению...

- Мы уже победили.

Риккин недоуменно посмотрел на нее:

- Простите?

- Сегодня людям не нужны гражданские свободы, - пояснила Эллен. - Сейчас их интересует исключительно уровень жизни. Свобода потеряла для них свою ценность. Они удовлетворены тем, что есть.

Риккин заговорил вкрадчиво и предостерегающе:

- Я даже боюсь предполагать, сколько наших предков совершали такую же ошибку, самодовольно восседая на тронах, пока первый же голос протеста не свергал их.

Пришла очередь Эллен растеряться. Она не привыкла к возражениям. Риккин тем временем продолжал:

- Угроза остается, пока существует свобода воли. В течение многих столетий мы пытаемся с помощью религии, политики, а сейчас - культа потребления искоренить инакомыслие.

Его тонкие губы скривились в холодной улыбке, и он чуть ли не беспечно проговорил:

- Не пришло ли время пустить в ход науку? Моя дочь как никогда близка к цели.

– Как поживает ваша прекрасная дочь? – спросила Эллен Кэй.

«Можно подумать, тебя это интересует. Моя дочь не просто прекрасна, она гениальна. И у нас с тобой не светский разговор за чаем».

– Она идет по следу тех, кто хранит Яблоко Эдема, – ответил Алан Риккин и с удовлетворением отметил, что в глазах Эллен Кэй мелькнуло удивление.

Вся ее напускная любезность вмиг исчезла. По ее голосу он почувствовал, что пробудил в главе совета охотничий азарт.

– И где они?

– В Андалусии, – ответил Риккин и многозначительно добавил: – В тысяча четыреста девяносто первом году.

Он сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Потомки?

Теперь она была в его руках.

– Все линии оборвались, – ответил Риккин, а затем с нескрываемым удовлетворением уточнил: – Кроме одной. Мы нашли этого человека и через него вернулись на пятьсот лет назад, в братство ассасинов.

Риккин победно улыбнулся.

София в сотый раз внимательно рассматривала страницы старинного фолианта: рисунки Яблока Эдема и описание, как им пользоваться. Оно сияло и, казалось, парило в воздухе, окруженное первобытными людьми, в одежде из травы и перьев, в восхищении протягивающими руки к Яблоку.

Художник давно минувшей эпохи старательно изобразил его структуру, но, несмотря на все его усилия, чертеж оставлял больше вопросов, нежели давал

ответы.

Но сейчас, когда до Яблока оставался последний шаг, все сведения о нем стали крайне актуальны.

Движение на экране отвлекло Софию от книги, она подняла голову и увидела, что Кэл сел на кровати, раскачиваясь и удивленно озираясь.

Целые сутки он пребывал в бессознательном состоянии. И София обрадовалась, что он самостоятельно пришел в себя. После приказа отца «поторопить его» она опасалась, что придется вводить дополнительно порцию медикаментов, чтобы заставить Кэла проснуться.

Кэл продолжал озираясь, будто в его блоке находился еще кто-то. София отложила ручку и сосредоточила все внимание на его поведении.

Кэл свесил ноги с кровати и почесал затылок, нащупал пальцами след от эпидуральной анестезии, которую ему ввели непосредственно в центральный канал спинного мозга. Он отдернул руку, рассматривая пальцы, будто ожидал увидеть на них кровь. Заметив трех охранников, наблюдавших за ним из-за толстой стеклянной двери, способной выдержать любой удар, он долго смотрел на них, потом резко отвел взгляд, встал и нерешительно подошел к двери.

Разумеется, она была закрыта. После нескольких бесплодных попыток открыть он отошел и принялся изучать свой блок, где ничего не было, кроме спартанской больничной кровати, узкой мягкой скамейки и столика рядом с ней, который также служил и светильником.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Молодых людей, желавших вступить в братство ассасинов, держали перед закрытыми воротами от нескольких суток до нескольких недель.

2

Ничто не истинно, все дозволено. Мы трудимся во тьме, дабы служить свету, мы – ассасины (сир.).

3

Орел – мощный солярный, то есть солнечный, символ. Он символизирует духовное начало, мощь и силу духа, победу и освобождение от земных оков. Талисман орла помогает освободиться от сковывающих уз, обрести высшую мудрость и истинную свободу души, стать мудрее и сильнее.

4

Хантсвилл – широко известная тюрьма, которую часто называют «Walls Unit» за высокие стены; раньше в ней приводились в исполнение смертные приговоры. С этой тюрьмой связаны имена Бонни и Клайда и многих других печально знаменитых американских преступников, ей посвящен альбом песен Мерла Хаггарда.

5

Пс. 50: 9,10.

6

Годы жизни королевы Изабеллы Кастильской – 1451–1504.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kristi-golden/assassin-s-creed-kredo-ubiycy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)